60

БЕЗЦѢЛЬНЫЙ ТРУДЪ,

„НЕ-ДѢЛАНІЕ“ ИЛИ ДѢЛО?

Разборъ взглядовъ Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на трудъ.

В. А. Коревникова.

Второе исправленное изданіе М. В. Клюкина.

МОСКВА.
Типографія Е. К. Гербекъ, Салтыковскій переулокъ, домъ Головкина.
1894.

БЕЗЦѢЛЬНЫЙ ТРУДЪ,

„НЕ-ДѢЛАНІЕ“ ИЛИ ДѢЛО?

Разборъ взглядовъ Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на трудъ.

В. А. Кофевникова.

146765

Второе исправленное изданіе М. В. Клюкина.

МОСКВА.
Типографія Е. К. Гербекъ, Салтыковскій переулокъ, домъ Головкина.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 28-го января 1894 г.

Второму изданію предлагаемой статьи считаю нужнымъ предпослать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе, сдѣланное мнѣ нѣкоторыми изъ моихъ читателей, именно: что слѣдовалобы подробнѣе опредѣлить задачи общаго дѣла и средствъ къ ихъ выполненію. Что всечеловѣческое дѣло можетъ состоять только въ водвореніи царства блага, добра, царства Божія въ мірѣ совокупнымъ, сознательнымъ и добровольнымъ трудомъ человѣчества, на мѣсто слѣпой, невольной эволюціи и неопредѣленнаго прогресса,—это, полагаю, выражено мною достаточно для краткой статьи, имѣвшей цѣлью предварительно только указать на ошибочные, какъ мнѣ думается, взгляды на трудъ и на назначеніе науки, и противопоставить имъ другой взглядъ, по моему убѣжденію, болѣе правильный. Что же касается частнаго опредѣленія задачъ всеобщаго дѣла и способовъ его выполненія, то вопросъ этотъ, по своей обширности и сложности, не могъ быть изложенъ въ краткой статьѣ. Дальнѣйшее же, болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса „въ чемъ должно-бы состоять общечеловѣческое дѣло?“ быть можетъ, дано будетъ въ непродолжительномъ времени.

Безцѣльный трудъ. „не-дѣланіе" или дѣло?

I.

Mais nous, nous consumés d'une impossible envie,
En proie au mal de croire et d'aimer sans retour,
Rèpondez, jours nouveaux! nous rendrez vous la vie!
Dites, ô jours anciens! nous rendrez vous l'amour?
. Oui le mal éternel est dans sa plenitude!

Leconte de Lisle. Dies irae

Да, оно настало, время давно подготовлявшагося перелома общественнаго сознанія,—не тихой перемѣны, не едва уловимаго для наблюденія перехода, а именно перелома, остраго, рѣзкаго, болѣзненнаго, мучительнаго, но необходимаго и, быть можетъ, спасающаго! Его ждали долго, неизбѣжность его смутно чувствовалась вездѣ, гдѣ нравственная шаткость и слабость съ одной стороны, умственная разрозненность съ другой, порождали чувство мучительной неудовлетворенности и заставляли, если не опредѣленно надѣяться, то по крайней мѣрѣ туманно мечтать о возможности появленія иного, болѣе яснаго и болѣе сильнаго склада убѣжденій. Но предсказывать его близость не рѣшались, предпочитая малодушно прикрываться бездоказательными надеждами на то, что невѣдомый Богъ нашего времени, прогрессъ, въ понятіи, опредѣленіи, средствахъ и цѣли котораго еще не могутъ согласиться его поклонники, рано или поздно, самъ собою, выведетъ изстрадавшееся человѣчество, утомленное разладомъ чувствъ, страстей и мыслей, на новый, хотя и трудный, но ярко озаренный свѣтомъ знанія путь, гдѣ мы вздохнемъ наконецъ свободнѣе, и бодрѣе, дружнѣе, съ большею силою убѣжденія и воли двинемся впередъ къ вѣчно манящей насъ и, увы! никогда не достижимой цѣли. На этой смутной надеждѣ успокоивались еще такъ недавно многіе лучшіе умы; ее, эту слѣпую вѣру, только и считали возможнымъ противопоставить отчаянію песси-

мизма, заволакивавшаго своимъ мертвеннымъ мракомъ блескъ нашей цивилизации и призывавшаго къ разслабляющей апатіи вѣкъ такой разнообразной, болѣзненно-возбужденной дѣятельности. Говорить о томъ, что переломъ духовнаго склада жизни близокъ, что онъ „при дверяхъ", казалось еще наивностью, признакомъ малодушія, слишкомъ скоро разочаровывающагося въ великихъ достоинствахъ настоящаго изъ-за временныхъ затрудненій, либо признакомъ фанатической реакции, всегда будто бы готовой коварно воспользоваться минутою смущенія и усталости, чтобы выступить еще разъ впередъ со своими ретроградными замыслами. И вотъ, не рискуя навлечь на себя столь позорящихъ подозрѣній, большинство поклонниковъ неопредѣленнаго прогресса предпочитало оставлять вопросъ о его содержаніи и средствахъ непредрѣшеннымъ или отдѣлываться самыми неопредѣленными разсужденіями о немъ, возлагая всю надежду рѣшенія на столь же неопредѣленное будущее и не замѣчая того, какъ много несознаваемой духовной слабости скрывалось подъ этою кажущеюся осторожностью, лишенною вѣры въ силу своего времени и почему то слѣпо вѣрившею въ могучія силы грядущихъ поколѣній, не рѣшающеюся обозначить ясно свою цѣль, но приглашающею тѣмъ не менѣе идти, невѣдомо куда, въ надеждѣ, что цѣль и средства выяснятся впослѣдствіи сами собою.

Но, пока мы обманывали себя этою туманною вѣрою, этою шаткою надеждою, этою безотчетною и потому не плодотворною любовью къ лучшему будущему, правда жизни дѣлала свое дѣло и ежедневно, ежечасно обличала несостоятельность принятаго малодушнаго компромисса, невозможность неопредѣленныхъ отсрочекъ возсозданія положительныхъ, стройныхъ убѣжденій, которыя объединяли бы людей и ободряли бы ихъ для общаго дружнаго, согласнаго мышленія и поведенія. Можно было въ замкнутомъ святилищѣ философскаго уединенія, забывавшаго о неотлагаемыхъ нуждахъ жизни, или на страницахъ исходившихъ изъ него ученыхъ книгъ, или даже въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ учителей отвлеченной вѣры въ прогрессъ успокоиваться на сознаніи существующей духовной неурядицы, но выносить въ дѣйствительности муки этого разлада съ самимъ собою и съ другими, довольствоваться ощущеніемъ мертвенной пустоты, образовавшейся

на мѣстѣ утраченныхъ положительныхъ вѣрованій, безъ опредѣленной надежды на ея скорое пополненіе новыми, было трудно. Неудовлетворенность росла, недовольство мировоззрѣніемъ, сознающимъ несостоятельность настоящаго и предоставляющимъ исправить его будущему, увеличивалось, и, что бы ни говорили о превосходствѣ современнаго порядка вещей, какъ бы ни превозносили блестящіе успѣхи цивилизаціи и прогрессъ гуманности, болѣзненные стоны духовныхъ страданій все сильнѣе и чаще стали нарушать гармонію похвалъ настоящему и мистически-благоговѣйныхъ гимновъ будущему, все настойчивѣе стали слышаться требованія дать скорѣйшее удовлетвореніе насущнымъ запросамъ изстрадавшихся умовъ и сердецъ.

И вотъ, удивляя насъ своею неожиданностью, наступаетъ моментъ перелома въ отношеніяхъ къ болѣзни вѣка, духовной неудовлетворенности: преобладавшая такъ долго неопредѣленность убѣжденій и надеждъ смѣнилась опредѣленностью запросовъ и признаній. Нѣтъ сомнѣнія, болѣзненный процессъ назрѣлъ и вступилъ въ свой острый кризисъ; положеніе дѣлъ, такъ недавно еще поражавшее своею сложностью настолько, что дать его цѣльную картину не отваживались ни наука, ни искусство, сразу, словно для всѣхъ неожиданно, выяснилось, выяснилось въ одномъ, встающемъ надъ взволнованнымъ моремъ нашей жизни крикѣ отчаянія, который для чуткаго, не предубѣжденнаго привычными, убаюкивающими мотивами слуха слышится въ настоящую минуту отовсюду: „дайте намъ вѣру во что-либо положительное, или, если этого сдѣлать нельзя, по крайней мѣрѣ, скажите намъ опредѣленно и честно, что это невозможно. Либо то, либо другое! полумѣры, отсрочки, недомолвки невыносимы! Намъ надо знать, есть ли намъ во что вѣрить, можно ли на что надѣяться, стоитъ ли что-либо любить, или мы безповоротно и безнадежно должны погрузиться въ непроглядную, безразсвѣтную тьму отчаянія“.

Нѣтъ надобности приводить примѣры такихъ запросовъ: интересующіеся найдутъ ихъ во множествѣ новыхъ книгъ, статей журнальныхъ и газетныхъ, въ рѣчахъ, сказанныхъ выспими жрецами науки, философіи и искусства, въ разговорахъ ученыхъ и неученыхъ, теоретиковъ и людей обыденнаго жизненнаго труда.

Правда, не всѣ имѣютъ уши, чтобы ихъ слышать, и многіе хотятъ насъ увѣрить, что эти волненія, сомнѣнія, запросы и признанія—старая пѣсня, что всегда такъ было, есть и будетъ, что здѣсь нѣтъ ничего специфически-современнаго, что это только одна изъ понижающихся волнъ вѣчной смѣны пессимизма и оптимизма, только одинъ крутой изгибъ прихотливо-извилистой, но въ концѣ концовъ все же восходящей линіи прогресса. Но не къ предубѣжденнымъ умамъ, отказывающимся отъ рѣшенія задачи подъ предлогомъ ея отсутствія, мы обращаемся, и не къ не испытавшимъ еще болѣзни врачамъ, которые на призывъ трудно-больного рѣшились бы отвѣчать: „вы здоровы! ваши боли, ваши страданія, съ высшей точки зрѣнія,—только кажущееся зло или неизбѣжный спутникъ, можетъ быть даже необходимое условіе здоровья другихъ людей“; мы обращаемся наконецъ и не къ олимпійскому ученому безстрастію, которое устами славнаго Гекслі вѣщаетъ намъ *), что, если бы все человѣчество молило у знанія удовлетворенія своихъ душевныхъ и нравственныхъ нуждъ, наука не подвинется ни на одинъ шагъ отъ своихъ убѣжденій и цѣлей, чтобы снизойти къ этимъ милліонамъ жалкихъ, слабыхъ существъ, отворачивающихся поэтому отъ нея, чтобы съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ и дѣтскою довѣрчивостью идти вслѣдъ за обѣщающими хлѣбъ жизни. Мы обращаемся къ тѣмъ, для которыхъ знаніе еще не всеобъемлющая конечная цѣль, а только высшее средство къ достиженію истинной цѣли—всеобщаго блага; мы обращаемся къ тѣмъ нелицемѣрно, не словесно только гуманнымъ людямъ, которые изъ-за возвышеннаго ученаго „cogito“ не забываютъ еще болѣе благороднаго „sum“, у которыхъ любовь къ наукѣ не упразднила любви къ жизни и, наоборотъ, должна была бы сдѣлать ихъ, и, надѣемся, сдѣлала ихъ только болѣе отзывчивыми къ страданіямъ своихъ ближнихъ и потому готовыми выслушать ихъ признанія о своихъ мукахъ, выслу-

*) Huxley. An Apologetic Heresy Fortnightly Review November 1892. p. 570—571. Въ замѣчательной рѣчи „Evolution and Ethics“ (London, Macmillan 1893), сдѣлавшейся мнѣ извѣстной послѣ напечатанія моей брошюры (въ 1-омъ изданіи), Гекслі, оставаясь вѣрнымъ мрачному мировоззрѣнію своего агностицизма, дѣлаетъ однако, въ области этики, рѣшительный поворотъ въ сторону принципа активнаго отношенія человѣческаго знанія и воли къ природѣ.

шать не съ безстрастіемъ клинициста и ученаго экспериментатора, а съ состраданіемъ человѣка человѣку, слѣдовательно и съ готовностью помочь ему, по мѣрѣ силъ, неотлагательно, не изъ снисхожденія, а по признанному праву нуждающагося въ помощи обращаться за нею къ знанію, могущему помочь, и по обязанности науки служить жизни и дѣлу, а не отвлеченной, безцѣльной и въ концѣ концовъ преступной въ своей праздности любознательности *только для любознательности*.

Что представители науки и искусства начинаютъ сознавать неотлагаемую необходимость опредѣленнаго рѣшительнаго отвѣта на такіе запросы, доказывается цѣлымъ рядомъ сдѣланныхъ ими за послѣднее время признаній въ формѣ публичныхъ рѣчей или статей, очевидно предназначенныхъ для возможно бо́льшаго распространенія. Изъ многаго въ этомъ родѣ укажемъ на изложеніе своихъ убѣжденій знаменитымъ естествоиспытателемъ Гекслн (въ Fortnightly Review. Novemb. 1892) и извѣстнаго зоолога Геккеля (въ Freie Buhne. Nov. 1892) на запросы первому главы англійскихъ нео-позитивистовъ Гаррисона (въ томъ же Fortnightly Review. Oct. 1892), на рѣчь Эмиля Золя къ французской молодежи, на вызванное ею письмо Алекс. Дюма и наконецъ на написанную по поводу двухъ послѣднихъ признаній статью гр. Толстого „Не-дѣланіе“ (Сѣверн. Вѣстникъ, сентябрь 1893). Глубокоинтересныя „professions de foi“ Гекслн и Геккеля мы принуждены оставить безъ разсмотрѣнія и укажемъ только на замѣчательную противоположность ихъ общаго духа съ признаніями Золя, Дюма и Толстого. Тогда какъ первоклассные ученые явили въ своихъ рѣчахъ образецъ поистинѣ первоклассваго ученаго высокомѣрія и пренебреженія къ неученому или менѣе ученому человѣчеству, благоговѣйно взирающему на храмъ чистаго знанія, три знаменитыхъ литератора отнеслись къ страждущему человѣчеству съ несомнѣннымъ сочувствіемъ, съ признаніемъ основательности и важности его разспросовъ, съ искреннимъ желаніемъ подать ему полезный совѣтъ. Въ особенности благодарны мы гр. Толстому за сдѣланное имъ сопоставленіе признаній двухъ французскихъ писателей со своимъ собственнымъ *). Именно въ такомъ сопо-

*) Къ нимъ прибавилась за послѣднее время статья Жюля Симона „La vieille morale de nos pères“ (Revue des Revues. Dec. 1893), за которою

ставлении эти три „исповѣдания вѣры“ получаютъ усиленное значеніе, поясняя, восполняя и опровергая другъ друга. Три различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ, сближенныя такимъ образомъ, широко освѣщаютъ его съ разныхъ сторонъ и могутъ считаться выраженіемъ не только личныхъ воззрѣній на него, но и воззрѣній цѣлыхъ направленій, борющихся въ современномъ общественномъ сознаніи. Уже одно это даетъ имъ право на особенное вниманіе со стороны читателей, но къ этому присоединяются добавочныя достоинсва отдѣльныхъ мѣтко, искренно и горячо высказанныхъ мыслей и наконецъ характерныя особенности стиля, соотвѣтствующія внутреннему духу каждой изъ статей: бодрый, мужественный тонъ рѣчи Золя, поэтическое, прочувствованное изложеніе Дюма, и, какъ намъ думается, умышленно рѣзкая, саркастическая манера гр. Толстого. Предполагая, что большинство знакомо со всѣми тремя статьями, я, излагая только существенные выводы ихъ, попробую разсмотрѣть во-1-хъ, въ какомъ смыслѣ каждая изъ нихъ пополняетъ или поправляетъ другую, а, во-2-хъ, высказать мои собственныя соображенія о томъ, въ какомъ смыслѣ всѣ три нуждаются въ существенныхъ поправкахъ.

какъ намъ обѣщаютъ, должны послѣдовать изложенія мнѣній другихъ извѣстныхъ писателей о томъ же вопросѣ Привѣтствуя этотъ чрезвычайно полезный способъ уясненія и объединенія взглядовъ на смыслъ жизни и ея главныя задачи, желаемъ ему возможно большаго и скорѣйшаго распространенія

II.

> I say deliberately It is better to have a millstone tied round the neck and be thrown into the sea, than to share the enterprises of those to whom the world has turned, and will turn, because they minister to its weaknesses and cover up the awful realities which it shudders to look at.
>
> T. H. Huxley

Изобразивши, съ примѣрною скромностью относительно себя и своего поколѣнія и не безъ излишняго преклоненія (какъ основательно замѣтилъ гр. Т.) передъ молодежью, современное смутное и болѣзненное положеніе умовъ, Золя отмѣчаетъ, какъ его конечный результатъ, разочарованіе, замѣчаемое на Западѣ въ позитивистическомъ мировоззрѣніи, „полагавшемъ всю надежду въ наукѣ“ *) и не оправдавшемъ будто бы этой надежды. Довѣріе къ наукѣ, говоритъ онъ, смѣнилось сознаніемъ „социальной и нравственной опасности строить все на наукѣ“ и „желаніемъ возвратиться къ прошедшему, чтобы изъ остатковъ прежнихъ вѣрованій создать живое вѣрованіе“. Опытъ будто бы доказалъ, что „наука не способна вновь заселить небо, которое она опустошила, и возвратить счастье душамъ, наивный миръ которыхъ она разрушила“. Отъ науки, какъ неограниченной повелительницы человѣчества, начинаютъ отвертываться, а реакція, въ лицѣ „святыхъ и пророковъ“, будто бы не замедлила, на смѣну науки, предложить поколебавшимся свои обычные суррогаты истины: „добродѣтель невѣжества, ясность простоты, необходимость освѣженія въ глубинахъ до-исторической деревни, среди предковъ, едва только отдѣлившихся отъ земли, до всякаго общества и всякаго знанія“.

„Закоренѣлому позитивисту“, коимъ называетъ себя З., не утратившему вѣры въ единое спасающее знаніе, несмотря на имъ самимъ же признанную неспособность современнаго знанія дать человѣчеству счастье, Золя, говоримъ мы, не трудно объяснить себѣ причину этого кризиса: „это усталость вѣка послѣ столь

*) Относительно рѣчи Золя и письма Дюма придерживаюсь перевода гр. Толстого

лихорадочнаго и колоссальнаго труда, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы все знать и все сказать... явленіе извѣстное: нѣтъ дѣйствія безъ реакціи, и мы присутствуемъ при неизбѣжной усталости, свойственной длиннымъ путешествіямъ". Если бы Золя на этомъ останавливался, мы могли бы оставить его въ высшей степени простое, но неубѣдительное объясненіе безъ разсмотрѣнія, потому что имѣли бы право зачислить самого автора въ ряды тѣхъ фанатическихъ служителей знанія, которые своимъ девизомъ избрали „fiat scientia, pereat mundus!" Къ чести г. З., хотя и въ ущербъ *его* позитивистической послѣдовательности, онъ не успокоивается на „научномъ" или quasi-научномъ объясненіи явленія; до его человѣческой души доносится „отчаянный призывъ къ счастью" измученнаго современнаго человѣчества, призывъ, на который вѣрный себѣ, фаталистически настроенный умъ могъ бы, пожалуй, и не откликаться. Но З. этотъ отчаянный призывъ „безконечно трогаетъ", тѣмъ болѣе, что „онъ слышится со всѣхъ сторонъ, какъ жалобный вопль, среди грома движеній науки, которая не останавливаетъ своихъ колесъ и машинъ". И вотъ, подъ вліяніемъ этого-то сожалѣнія, З. и говоритъ свое слово утѣшенія, ободренія и совѣта смущенному юношеству.

Отдавая должное человѣческой отзывчивости г. З., мы тѣмъ не менѣе опасаемся, не помѣшалъ ли ему громъ движенія науки, не желающей останавливать своихъ колесъ и машинъ изъ-за вопля какого-то страждущаго человѣчества, хорошо разслышать содержаніе этого отчаяннаго вопля. Иначе З. не передалъ бы его словами: „довольно съ насъ истины! давайте намъ химеръ! Мы найдемъ спокойствіе только тогда, когда будемъ мечтать о томъ, чего нѣтъ". Не одному З. приходилось и приходится слышать признанія и стоны наболѣвшихъ душъ, но всѣ, внимавшіе имъ непосредственно, не черезъ рупоръ позитивныхъ предубѣжденій противъ всего отвергаемаго позитивизмомъ, слышали нѣчто иное, совершенно отличное отъ слышаннаго имъ. И вотъ что́ они слышали и слышатъ: „довольно съ насъ химеръ! давайте намъ истину, положительную, твердо обоснованную, опредѣленную истину, въ которую мы могли бы не только вѣрить, но и которою мы могли бы жить". Да и можетъ ли быть иначе? Сознательно химеръ и заблужденій никто не проситъ, желать и

просить не можетъ, не станетъ; и будь у просящихъ сознаніе обладанія истиною, они не взывали бы о помощи, потому что или удовольствовались бы пріобрѣтенною истиною, или, даже если бы она и оказалась „горькою истиною", они, въ сознаніи ея реальности и полной невозможности иной, не въ состояніи были бы просить замѣнить ее сладкимъ обманомъ, какъ не проситъ этого, напримѣръ, Золя. Если же, несмотря на всѣ увѣренія „стоически ясныхъ, удовлетворенныхъ (современнымъ положеніемъ вещей) избранныхъумовъ" (къ какимъ, очевидно, слѣдуетъ причислить и г. З.), что хотя „дѣйствительность есть только безобразіе и преступленіе" и что въ ней невозможно найти „удовлетворенія нашихъ потребностей братства и справедливости", и что, тѣмъ не менѣе, эта дѣйствительность есть единственная возможная, если, говорю я, несмотря на такія увѣренія, человѣчество не соглашается признать „эту отвратительную человѣческую жизнь" за воплощеніе истины и не прекращаетъ своихъ поисковъ иного, лучшаго строя жизни,—значитъ, оно, по своему крайнему убѣжденію, ищетъ не химеръ, а все же истины, хотя и не той, которую ему хотѣли бы навязать „избранные умы". И кто, глядя на эту многострадальную борьбу отъ мрака къ свѣту и отъ зла къ добру алчущихъ и жаждущихъ правды, осмѣлится, кто дерзнетъ надменно сказать человѣчеству съ высоты своего ученаго предубѣжденія: „безумцы! истина уже разгадана наукою, вы же требуете химеръ!"

Безспорно только тѣ, для которыхъ существуетъ только *истина*, но нѣтъ и не нужно *правды*, для кого истина поглощаетъ правду, дѣлаетъ ее пустымъ словомъ безъ реальнаго содержанія. Но *истина* есть только то, *что есть*, что сейчасъ существуетъ; *правда* же то, *что должно быть или*, по меньшей мѣрѣ, *должно бы быть, сообразно съ требованіями человѣческихъ понятій о полезномъ, добромъ и прекрасномъ*. И въ этомъ—вся глубокая разница между неучеными, алчущими правды и ищущими не химеръ, а этой правды, хотя бы она еще и не была до сихъ поръ осуществлена, и нѣкоторыми, особаго рода учеными, восторженными поклонниками истины, но равнодушными къ правдѣ, успокоивающимися на познаніи и объясненіи существующаго, что̀ имъ никто и не возбраняетъ, но не имѣющими, по справедливости,

ни малѣйшаго права отрицать, въ качествѣ „лжи и иллюзій“, того, что должно бы быть, потому только, что его еще нѣтъ, и обзывать поиски правды погонею за химерами.

Сознавая различіе взгляда ищущихъ правды на задачу науки отъ взгляда на нее ищущихъ только истины, Золя основательно спрашиваетъ: „но развѣ наука обѣщала счастье?“ и отвѣчаетъ. „я не думаю этого. Она обѣщала истину, и вопросъ въ томъ, можно ли сдѣлать счастіе изъ истины?“ На этотъ второй вопросъ отвѣтъ утвердительный даютъ, по мнѣнію З., немногіе „избранные“, обладающіе большею степенью стоической выправки, „полнымъ отреченіемъ отъ своего Я и ясностью удовлетвореннаго ума“, а отрицательный—огромное большинство людей обыкновенныхъ, „крикъ отчаянія которыхъ, по его словамъ, раздается среди страждущаго человѣчества“. Противорѣчіе въ отвѣтахъ констатировано вѣрно; но напрасно З. торопится переводить отрицательный отвѣтъ большинства словами: „какъ жить безъ лжи и иллюзіи!“ Это—клевета на человѣчество. Если къ чести и къ будущему счастью для человѣчества, оно отказывается признать, что одно простое, пассивное познаніе истины способно дать ему счастіе, то дѣлаетъ это не потому, что ему нужна для счастливой жизни иллюзія и *ложь*, а наоборотъ потому, что ему нужна *правда*, то-есть жизнь, устроенная не такъ, какова она *есть* въ настоящее время, а такъ, какъ она, по взглядамъ человѣка на справедливость, *должна бы быть*, и какою она, по неистребимой его вѣрѣ не въ ложь и не въ иллюзію, а въ правду и въ добро, *можетъ еще стать*. Можетъ же она стать таковою тогда, когда люди отъ бездѣятельной вѣры въ правду и добро, мертвой, какъ и всякая вѣра безъ дѣлъ, перейдутъ сознательно и дружно *къ дѣлу доброму, благому, къ водворенію царства правды на землѣ*, вмѣсто того, чтобы пассивно успокоиваться въ стоической апатіи, какъ „немногіе избранные“, не замѣчающіе, что ихъ самохвальная „удовлетворенность ума“ происходитъ не столько отъ „полнаго отреченія отъ своего Я“, сколько отъ равнодушія къ окружающему ихъ страждущему человѣчеству. Равнодушіе же это невольно должно возникать у тѣхъ, для кого величавая полнота и ширь задачъ жизни съузилась въ одностороннюю мелкую задачу: удовлетворить свой умъ, забыв-

ши о сердцѣ, о чувствѣ, о волѣ, о дѣлѣ,—ясный признакъ полнаго отреченія не отъ своего Я, на досужую забаву котораго и создана такая удовлетворенность, а отъ миллионовъ другихъ Я, страданія которыхъ „ясный, удовлетворенный умъ“ ищетъ не устранить, а узаконить авторитетомъ своей (по счастью, не истинной, а только дурно направленной) науки.

„Природа несправедлива и жестока“, а „жизнь людей отвратительна до возмущенія“, говоритъ самъ Золя и, какъ художникъ, въ изумительномъ рядѣ картинъ, поражающихъ своимъ неподдѣльнымъ реализмомъ, съ замѣчательною силою и съ еще болѣе замѣчательною полнотою, даетъ намъ вѣское подтвержденіе обѣихъ этихъ грустныхъ истинъ, изъ которыхъ впрочемъ вторая—только слѣдствіе первой; а въ послѣднемъ, заключительномъ томѣ своей серіи романовъ дѣлаетъ попытку объяснить съ позитивистической точки зрѣнія, то-есть оправдать, какъ неизбѣжное, ту и другую. И въ своей рѣчи онъ также говоритъ: „наука (разоблачающая несправедливость и жестокость природы) *какъ будто* приводитъ насъ къ уродливому праву сильнаго, такъ что разрушается всякая нравственность, и всякое общество влечется къ деспотизму“, хотя самъ почему-то вѣритъ, противорѣча себѣ, что „слѣдующій вѣкъ будетъ только утвержденіемъ нашего въ демократическомъ и научномъ порывѣ“. Здѣсь есть недосказанное по недодуманности, если не по недостатку смѣлости. Къ чему это „какъ будто“? Наука, поставляющая своею единственною конечною цѣлью только разоблаченіе истины, то-есть констатированіе существующаго порядка вещей въ природѣ и человѣкѣ, вмѣсто того, чтобы видѣть эту цѣль *въ разумномъ воздѣйствіи, при помощи силъ знанія, на этотъ порядокъ для измѣненія его въ иной, лучшій, соотвѣтствующій потребности человѣчества въ правдѣ*, наука, существующая только для любознательности, а не для жизни, наука только для знанія природы, а не для дѣйствія на природу,—такая наука,—называйте ее какъ хотите, позитивною ли, праздною ли, или безсердечною, — должна быть вѣрна себѣ и не включать увертливаго „какъ будто“ туда, гдѣ царитъ неумолимое, безотрадное „непремѣнно“. Эта наука не можетъ не констатировать, а напротивъ, если она не лжива и не труслива, должна констатировать и несправедливость, и

жестокость природы, и отвратительность существующаго строя жизни, гдѣ дѣйствительно царитъ право сильнаго, разрушающее всякую нравственность и ведущее всѣхъ и каждаго къ той или иной формѣ деспотизма и рабства. Все это обязана обнаруживать наука, потому что все это—истина, хотя и обидная для признающихъ человѣческое достоинство, все это несомнѣнно есть и будетъ до тѣхъ поръ, пока существующее рабство человѣка передъ стихійными, неразумными силами природы будетъ длиться, пока воплощенное въ современномъ складѣ жизни, то-есть *существующее*, будетъ оттѣснять и пересиливать *долженствующее или подобающее быть*. Но *такая* наука, ограничивающаяся созерцаніемъ природы, а не поставляющая себѣ цѣлью воздѣйствіе на нее, разумную регуляцію ея силъ для блага человѣчества, наука, добровольно и самодовольно обрекающая себя на одну „умственную удовлетворенность“, *такая* наука не въ правѣ находить эту „отвратительную жизнь“ „возмутительною“, право сильнаго—„уродливымъ“, „крикъ отчаянія страдающаго человѣчества и его безсильный призывъ къ счастью“—„безконечно-трогательнымъ“, какъ не въ правѣ она толковать и о сердобольной морали, что съ величайшею послѣдовательностью ученаго „чистаго типа“, дѣлающее ему величайшую честь, признаетъ недавно Гексли, заявивши, что изо всей эволюціонистической теоріи нельзя выжать ни единой капли нравственности *).

И вотъ, когда одинъ изъ поклонниковъ этой науки, конечныя свойства которой для него, повидимому, не ясны, но который, очевидно не понимаетъ иного, *активнаго* значенія науки, спрашиваетъ насъ: „развѣ наука обѣщала счастье?“ и отвѣчаетъ: „не думаю!“, онъ правъ относительно себя и *своего* взгляда на науку и совершенно неправъ, когда, не думая, влагаетъ свой отрицательный отвѣтъ въ уста *всякой* наукѣ, которая искони считалась и большинствомъ продолжаетъ считаться нужною и

*) Huxley. An Apologetic Itemicon, Fortnightly Review 1892 November. p 568 Jear much of the „ethics of evolution“ I apprehend that, in the broadest sense of the term „evolution“ there neither is, nor can be, any such thing The notion that the doctrine of evolution can furnish a foundation for morals seems to me to be an illusion Еще рѣшительнѣе высказался онъ въ томъ же смыслѣ въ Evolution and Ethics. 1893 p 31—34

почтенною потому именно, что она полезна въ томъ или иномъ смыслѣ, что она рано или поздно, такъ или иначе, прямо или косвенно, въ концѣ концовъ ведетъ ко благу человѣчества, къ его счастью. Обѣщала или не обѣщала счастье наука, все равно! одно несомнѣнно, что человѣчество жаждало и надѣялось получить его отъ знанія, искало свѣта знанія не для того, чтобы бездѣятельно „почить въ свѣтѣ неприступномъ", а чтобы „ходить", то есть „жить" и дѣйствовать „во свѣтѣ", дабы „быть сынами свѣта" не по знанію только, но и по дѣлу, по подвигу. Эту надежду не отложило человѣчество, надѣемся, и никогда не отложитъ, несмотря на всѣ свои разочарованія. Оно продолжаетъ видѣть въ наукѣ не сухое, какъ проклятая за безплодіе смоковница, древо безцѣльнаго знанія, а животворное древо познанія добра и зла, имѣющее превратиться, при должномъ отношеніи къ нему, въ древо жизни. Поскольку люди вѣрятъ въ возможность этого *конечнаго* превращенія, постольку они цѣнятъ и науку, постольку, прибавимъ мы, они и должны цѣнить, любить и чтить ее, не менѣе, но и не болѣе, и упрекать ихъ, не мирящихся съ существующимъ зломъ, а желающихъ иного, лучшаго порядка, не довольствующихся однимъ „*умственнымъ* удовлетвореніемъ", созерцаніемъ, чистымъ мышленіемъ, чистымъ знаніемъ, упрекать за то, что отъ науки бѣднякъ-труженикъ ждетъ облегченія своей нужды, больной—прекращенія своихъ страданій, умирающій—своего спасенія, не въ правѣ никакіе „избранные" аристократы демократически-ученаго вѣка, никакіе хвалящіеся своимъ стоическимъ самоотреченіемъ сибариты умственнаго наслажденія. *)

Къ чести г. Золя, извѣстнаго своимъ трудолюбіемъ, онъ далекъ отъ оправданія того ученаго dolce far niente, къ которо-

*) Выражаясь такъ, мы, надѣемся, не навлечемъ на себя обвиненія въ томъ, что мы будто бы цѣнимъ науку только въ грубо-утилитарномъ смыслѣ, въ смыслѣ только ея ближайшихъ, прямыхъ, немедленныхъ примѣненій къ практической сторонѣ жизни. Такое обвиненіе было бы совершенно ошибочно, такъ какъ мы не думаемъ оспаривать цѣнности даже наиболѣе отвлеченныхъ отраслей знанія, если только и въ нихъ *основнымъ* побужденіемъ къ труду и его *конечною* цѣлью является не удовлетвореніе простой любознательности, а добросовѣстное стараніе принести пользу, т. е. такъ или иначе содѣйствовать общему благу людей

му неизбѣжно долженъ привести своихъ послѣдовательныхъ послѣдователей девизъ: „знаніе только для знанія, наука только для познанія истины“, дѣйствительности (а не для воздѣйствія или даже, если нужно, для противодѣйствія ей, то-есть для счастья людей). Золя настолько далекъ отъ принципіальнаго кейфа, что именно вся положительная сторона его рѣчи, та, которая предлагаетъ что̀ дѣлать съ болѣзнью вѣка, сводится на рекомендацію только труда, на приглашеніе, обращенное къ молодежи „вѣрить въ трудъ“. Спасибо честному и талантливому труженику за этотъ энергичный и убѣжденный, ободряющій, особенно для молодежи полезный, призывъ къ труду! Какъ бы мы его ни понимали, въ немъ все же, вопреки мнѣнію гр. Толстого, останется своя доля пользы и, по нашему убѣжденію, польза не малая, хотя бы въ смыслѣ предохранительнаго средства отъ худшаго изъ золъ—ничегонедѣланія, бездѣлья. Но одно дѣло—частный полезный, практическій, паллиативнаго свойства совѣтъ, другое—возведеніе его въ основной принципъ, рѣшающій широкій общественный вопросъ, въ средство исцѣленія закоренѣлаго общественнаго недуга. Похваливши, съ вышеупомянутыми оговорками, частный практическій совѣтъ, мы обязаны разсмотрѣть критически принципъ съ его теоретической стороны и принуждены отвергнуть его въ этомъ смыслѣ (т.-е. какъ общій принципъ), какъ ошибочный.

„Трудъ, говоритъ Золя, это единственный законъ міра, единственный смыслъ жизни“. Но прежде, чѣмъ соглашаться, и еще менѣе прежде, нежели осуждать трудъ самъ по себѣ, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой, полагающій, что „трудъ также мало можетъ быть добродѣтелью, какъ питаніе“ и что „возведеніе его въ достоинство—уродство“, посмотримъ, какъ понимаетъ трудъ Золя. Несмотря на сбивчивость и даже противорѣчивость отдѣльныхъ выраженій, ясно, что онъ понимаетъ подъ трудомъ не болѣе, какъ „правильный, ежедневный урокъ, обязанность, которую каждый долженъ задать *самому себѣ* для того, чтобы хоть на шагъ подвигаться въ *своемъ* дѣлѣ“. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ опредѣленіемъ, данъ поводъ думать, что этотъ „урокъ“ не свободно избранъ, а „*заданъ* каждому изъ насъ“ какъ бы помимо нашей воли, какъ „единственный законъ міра, какъ тотъ регу-

ляторъ, который *влечетъ* органическую матерію къ *ея* извѣстной цѣли". Если бы эту вторую редакцію вопроса мы были уполномочены считать за ту, которая наилучше выражаетъ мысль автора, мы были бы въ правѣ заключить, что трудъ здѣсь сводится на непроизвольное участіе въ „сообщенномъ намъ движеніи", на фаталистически заданный каждому изъ насъ урокъ, принять который мы должны „скромно, безъ возмущенія, смиривши гордость своего Я, которое считаетъ себя центромъ и не хочетъ вступить въ ряды". Съ этой точки зрѣнія трудъ есть „работа великаго дѣла, совершаемаго во всѣ вѣка", но дѣла, начатаго законами органической матеріи, не зависящими отъ воли и выбора отдѣльнаго лица, какъ и продолжается оно помимо его воли и въ которомъ *поневолѣ* приходится участвовать всѣмъ, кто хочетъ быть „если не счастливымъ, то по крайней мѣрѣ спокойнымъ".

Такой взглядъ на трудъ совершенно полноправенъ и основателенъ съ точки зрѣнія той науки, которая не идетъ въ своей задачѣ дальше объясненія существующаго. Для Золя съ его взглядами на науку это воззрѣніе было бы вполнѣ послѣдовательнымъ и оправданнымъ. Но для огромнаго большинства людей такой трудный урокъ дѣйствительно заданъ съ безповоротною необходимостью исполнять его, подъ угрозою гибели отъ голодной смерти или иныхъ бѣдствій; и если, несмотря на это, огромное большинство исполняющихъ свой жизненный „урокъ" тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть неспокойнымъ и недовольнымъ жизнью, изъ этого неопровержимо слѣдуетъ, что такой фаталистически возложенный на человѣка, помимо его сознанія и желанія, трудъ не есть еще то обезпеченіе счастья, за которое признаетъ его Золя. Да иначе и быть не можетъ! Не достаточно трудиться по чужому произволу; надо трудиться по доброй волѣ; надо, сверхъ того, трудиться для той цѣли, къ которой влечетъ не деспотически надъ нами царящая сила органической матеріи, а разумно и справедливо обоснованное сознаніе свободной въ своихъ убѣжденіяхъ, чувствахъ и желаніяхъ личности. Только тогда можно быть довольнымъ трудомъ, полюбить его горячо и исполнять его „безъ возмущенія". Въ противномъ же случаѣ отсутствіе возмущенія или удовлетворенность будутъ (и таковы они и есть въ

дѣйствительности у подневольныхъ тружениковъ) только дѣломъ привычки и притупленности.

Впрочемъ трудъ, предлагаемый Золя, претендуетъ какъ будто на нѣчто лучшее: на выборъ „урока, который я *самъ себѣ* задалъ, хоть на шагъ подвигаться каждый день въ *своемъ* дѣлѣ“. Но если значительное большинство людей, по своему положенію въ жизни, лишено возможности этой свободы выбора или значительно въ ней ограничено, то и возможность воспользоваться ею окажется рѣдкою, чисто аристократическою привилегіей немногихъ счастливцевъ, привилегіей очень цѣнною съ точки зрѣнія личнаго счастья, но о которой по меньшей мѣрѣ не ловко, не деликатно говорить моралисту демократической страны, поклоняющейся равенству.

Но есть нѣчто бо́льшее и худшее: подневольный трудъ имѣетъ хотя отрицательное достоинство невмѣняемости; трудъ же добровольный налагаетъ обязанность дѣлать не только то, что *меня* забавляетъ или удовлетворяетъ, ни даже то, что *мнѣ одному* полезно, а то, что̀ полезно *и другимъ*, что удовлетворяетъ *и ихъ*. Такой трудъ былъ бы дѣйствительно благотворный, святой трудъ. Но можетъ ли имъ быть трудъ, предлагаемый Золя? По его собственному признанію,—нѣтъ! Еще бы! Для такого труда нуженъ не выборъ *своего* урока, *своего* дѣла, по *личнымъ* соображеніямъ, а нужно, во 1-хъ, соглашеніе если не всѣхъ, то во всякомъ случаѣ огромнаго большинства относительно задачъ *общаго* дѣла и его цѣли, а во 2-хъ, относительно средствъ исполненія—соотвѣтствующее цѣли распредѣленіе потребнаго для нея труда между отдѣльными лицами, сообразно, конечно, съ ихъ способностями, а слѣдовательно и склонностями, но не съ ихъ эпикурейскимъ произволомъ. Между тѣмъ всѣ эти существенныя условія совершенно опущены г. Золя и, что грустно, опущены не по недосмотру, а по отсутствію у него опредѣленной цѣли для той „работы вѣчнаго дѣла“, которое онъ хотя и называетъ великимъ и отъ котораго упорствуетъ ждать какихъ-то благъ въ неопредѣленномъ будущемъ, но которому никакой опредѣленной цѣли онъ не указываетъ въ своей рѣчи. Въ концѣ концовъ въ понятіе Золя даже объ общемъ, всемірномъ трудѣ не входитъ, въ качествѣ существеннаго признака, понятіе *общей*

цѣли, сознательно, совокупностью человѣчества опредѣленной и добровольно имъ признанной. „Смыслъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы, появившись на свѣтъ, совершить въ немъ свою долю труда и исчезнуть“, то-есть скромно исполнить „заданный“ каждому изъ насъ урокъ. Въ чемъ состоитъ и общая работа, и частный урокъ, какъ одно согласовано съ другимъ и чѣмъ оправданъ личный выборъ урока у тѣхъ, кто, по счастью, отнятому у громаднаго большинства, имѣетъ возможность выбора,— остается неразъясненнымъ. Удивительно ли, что *такимъ* смысломъ жизни въ состояніи удовлетворяться только немногіе, а многіе признаютъ его прямо безсмысленнымъ, равно какъ и лежащее въ его основѣ понятіе о трудѣ, руководящемся произвольною, личною цѣлью, то-есть, въ строгомъ смыслѣ,—трудѣ безцѣльномъ.

На эту совершенно слабую и однако самую существенную сторону рѣчи г. Золя направилъ свой ударъ гр. Толстой со свойственною ему силою размаха, и въ данномъ случаѣ совершенно удачно до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о трудѣ и наукѣ въ смыслѣ Золя, и со страшными, ничѣмъ не оправданными преувеличеніями, какъ скоро вопросъ переходитъ къ труду и наукѣ вообще. Не касаясь пока второй стороны полемики гр. Толстого, мы соглашаемся съ нимъ, что вѣра въ науку, принципіально отказывающуюся служить счастью человѣчества, не пріемлема для большинства послѣдняго и притомъ не пріемлема по праву, на законномъ основаніи; соглашаемся и съ тѣмъ, что предлагаемая другая вѣра въ трудъ, не вызванный и неопредѣленный общечеловѣческою благою и разумною цѣлью, не добродѣтель и не можетъ удовлетворять людей, и что гр. Толстой въ правѣ видѣть въ *такомъ* трудѣ одинъ изъ видовъ „одурманиванія“ или забавы, которымъ люди, не видящіе передъ собою опредѣленной цѣли, оправдываемой не однимъ „чистымъ знаніемъ“, а и требованіями справедливости и добра, наполняютъ свою жизнь, чтобы сдѣлать ее сколько-нибудь сносною; мы согласны, что выдавать вѣру въ *такой* трудъ и въ *такую* науку за вѣру живую, творящую чудеса, есть суевѣріе, лишенное прочныхъ основъ и не дающее своимъ сторонникамъ права превозноситься надъ проповѣдниками иной вѣры въ то, что Золя обзываетъ „вымершими миѳологіями“, „нездоровыми химерами“ и

„легендами, ведущими къ страшнымъ бѣдствіямъ“. Мы видимъ далѣе образецъ изумительнаго ученаго безсердечія въ томъ, что другой крайній скептикъ въ области религіозной и нравственной вѣры, Гексли, презрительно смотритъ съ высоты своего агностицизма, безучастнаго къ нуждамъ страждущаго человѣчества, на то, что презрѣнное въ его глазахъ большинство людей идетъ не вслѣдъ просвѣщеннымъ учителямъ мудрости сомнѣнія и отрицанія, а за тѣми, кто обѣщаетъ страждущему человѣчеству обезпеченіе хлѣба насущнаго и мира душевнаго. Мы не дивимся тому, что масса человѣчества идетъ вслѣдъ вождей къ положительному, изъ которыхъ, вопреки наговорамъ ихъ противниковъ, не всѣ шарлатаны и безумцы. Успѣхъ проповѣди положительныхъ началъ никогда не былъ бы такъ широкъ и продолжителенъ, если бы она не давала многимъ, хотя бы на время, хотя бы отчасти, чего-либо реальнаго: миръ душевный, силу къ исполненію долга и чувство нравственной удовлетворенности. Вольно Гексли, Геккелю и Золя считать все это за химеры, но на свой аршинъ они не въ правѣ мѣрить все человѣчество, и гр. Толстой, въ свою очередь въ правѣ отвѣтить имъ, что, съ противоположной точки зрѣнія, и ихъ вѣра представляется не менѣе слѣпою, а самому графу, и вѣроятно не ему одному, а многимъ, не менѣе, а даже, пожалуй, болѣе химеричною, чѣмъ первая.

Торопясь покинуть этотъ скользкій пунктъ рѣчи Золя, пунктъ, гдѣ противники фанатизма и суевѣрія такъ легко и незамѣтно впадаютъ сами въ то и другое, мы заканчиваемъ обсужденіе этого мѣста словами А. Дюма, полными уваженія къ свободѣ мысли и къ чужому мнѣнію. „Кто правъ въ этомъ спорѣ? Всѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ ищутъ, и никто, какъ только начинаютъ угрожать“, и, добавимъ мы, преждевременно презирать неопровергнутаго разномышленника. „Никакой ударъ кулака, говоритъ Дюма (и никакая насмѣшка, добавляемъ мы), не докажутъ ни несуществованія Бога“, ни (еще разъ доскажемъ мы) чего бы то ни было, кромѣ дикаго насилія и гордой самоувѣренности, пороковъ извинительныхъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ ораторахъ свободы, истины и гуманности. Если нельзя судить человѣчество за то, что оно, сознавая неправду, то-есть нравственное безобразіе существующаго, ищетъ иного, лучшаго, положительнаго,

нельзя высокомѣрно презирать тѣхъ, кто, по совѣсти, (выражаясь словами Золя) „взываетъ народамъ, чтобы они смотрѣли вверхъ, возносились къ идеалу“, и считать такія рѣчи „безболѣзненными“, какъ считаетъ ихъ Золя.

Правда, на мѣсто этихъ упованій, г. Золя „умамъ, мучимымъ (какъ онъ выражается) безконечностью, страдающимъ отъ тайны“; „братски“ (!) указываетъ другое средство спасенія—„занять свою жизнь *какимъ-нибудь* огромнымъ трудомъ, котораго, хорошо бы было, они не видѣли конца“. Неужели эти ужасныя слова сказаны серіозно человѣкомъ, котораго будто-бы „безконечно трогаетъ отчаянный крикъ измученнаго человѣчества“? Да развѣ рѣчь идетъ о забавѣ, о развлеченіи или объ одуреніи? Люди изстрадались отъ сомнѣній, отъ противорѣчія между своими стремленіями къ правдѣ, къ добру и ложью и злобою дѣйствительности; они, мученики неразгаданной тайны жизни и неудовлетворенныхъ, но все же благородныхъ стремленій къ правдѣ, взываютъ о помощи къ вамъ, „избраннымъ, удовлетвореннымъ умамъ“, а вы не находите ничего лучшаго, какъ „братски“ предложить имъ камень вмѣсто хлѣба, жалкое времеубійство *какимъ бы то ни было* трудомъ, все равно какимъ, лишь бы онъ былъ огромнымъ, безконечнымъ, лишь бы онъ былъ, говоря вашими собственными словами, вѣчно колеблющимся изъ стороны въ сторону маятникомъ, непрерывно вертящимся жерновомъ, мелющимъ не „насущный хлѣбъ съ удовлетвореннымъ сознаніемъ исполненнаго дѣла“, а только утомляющимъ и одуряющимъ въ своемъ безсмысленномъ круговоротѣ, а если и дающимъ (и то не всегда и не всѣмъ) жалкую при такихъ условіяхъ подачку—хлѣбъ насущный, то лишь для того, чтобы продлить безцѣльное качаніе маятника, безцѣльное вращеніе жернова! Да вѣдь, чтобы поднять съ пользою, хотя бы для *одного только* труженика огромный трудъ и нести его съ любовью, съ сознаніемъ долга, надо вѣрить въ смыслъ труда и въ его пользу для себя, а для добросовѣстнаго—сверхъ того и для другихъ; а откуда возьмется все это въ вашемъ безцѣльномъ или произвольно выбранномъ трудѣ, не согласованномъ съ общими нуждами, убѣжденіями и цѣлями? Откуда возьмется въ немъ даже чудесная сила къ исцѣленію только личнаго недуга, когда, предлагая это

чудотворное, магическое средство именно людямъ, „мучимымъ тайнами безконечности“, вы въ тотъ же мигъ сами спѣшите предупредить ихъ, что „конечно, это ежечасное разсѣяніе (слышите: разсѣяніе!!) не разрѣшаетъ никакой метафизической задачи, что это только эмпирическое средство для того, чтобы честно или *почти* спокойно прожить *свою* жизнь“. Но тѣ, которые думаютъ только *о спокойствіи*, и *спокойствіи* только *своей* жизни, едва ли и страдаютъ отъ мукъ безконечности, отъ тайнъ неразгаданныхъ, едва ли „возносятся къ идеалу“? Что же касается того, можно ли назвать жизнь, посвященную *такому* труду, *честною* и *разумно* прожитою, то не всѣ смотрятъ на этотъ вопросъ такъ невзыскательно, какъ г. Золя.

„Но развѣ мало, спрашиваетъ онъ въ заключеніе, пріобрѣсти нравственное и физическое здоровье, избѣжать опасности мечты, разрѣшая трудомъ вопросъ о пріобрѣтеніи наибольшаго возможнаго счастія на этой землѣ?“ Да! отвѣчаемъ мы, предлагаемаго вами *мало*, во-1-хъ, потому что *надо больше*, а во-2-хъ, потому, что многое изъ предлагаемаго и ожидаемаго вами *недосягаемо* при вашемъ взглядѣ на трудъ, средствами вашего труда. Съ нравственной точки зрѣнія для людей, страдающихъ не „опасностью мечты“, какъ вы предполагаете, а добросовѣстностью мысли, не останавливающеюся на полудорогѣ, или чувствомъ сострадания къ людямъ, *мало* одурманивать мысль и чувство механическимъ урокомъ, въ смыслъ котораго не вѣримъ, конца которому не видимъ; *мало* для тѣхъ, кто думаетъ не о себѣ одномъ и не способенъ быть счастливымъ и спокойнымъ, когда вокругъ него такое необъятное море безплоднаго волненія и безпомощнаго страданія, мало для такихъ прожить „почти спокойно“, да и *невозможно*, потому что, при такихъ условіяхъ, и для нихъ самихъ невозможно ни физическое, ни въ особенности нравственное здоровье, потому что такую жизнь они не осмѣлятся назвать ни честною, ни разумною. Наконецъ *невозможно* такимъ трудомъ „разрѣшить вопросъ о пріобрѣтеніи наибольшаго возможнаго счастья на этой землѣ“. И здѣсь мы можемъ уже сослаться въ свою очередь на нѣчто эмпирическое, на многовѣковой опытъ человѣчества, которое, что бы ни говорили, трудилось и трудится не мало и въ безчисленныхъ случаяхъ по болѣе сознательнымъ

и болѣе человѣколюбивымъ соображеніямъ, нежели рекомендуемыя Золя, и которое однако было и продолжаетъ быть глубоко несчастнымъ, не потому, очевидно, чтобы оно трудилось мало или не брало на себя трудовъ огромныхъ, которымъ конца не видѣло. То и другое было, есть и будетъ. Если, тѣмъ не менѣе, совершая свой непрерывный и нескончаемый трудъ, человѣчество остается все-таки несчастнымъ, причина этого горя, этой бѣды, этого несчастья въ значительной степени и даже преимущественно та, что огромное большинство людей, частью по необходимости, а частью по желанію, трудилось и трудится именно такъ, какъ рекомендуетъ Золя, то-есть либо *подневольно*, либо *произвольно*, либо *безсознательно* и *безцѣльно*, либо руководясь *ошибочнымъ* или *пристрастнымъ* сознаніемъ и *корыстною* или *себялюбивою* цѣлью, тогда какъ надо трудиться *добровольно*, *сознательно* и не по частнымъ побужденіямъ, а *по общимъ*, не для личныхъ выгодъ, а *для всеобщаго блага*, не для того, чтобы *мнѣ* прожить „спокойно, здорово и весело“, а для того, чтобы *всѣ* могли жить *здорово, объятельно и радостно*, не для того, „чтобы избавиться отъ мукъ безконечности“, а для того, чтобы направить благородный *порывъ* къ безконечному на еще болѣе благородный *поиски безконечнаго усовершенствованія не себя*, какъ проповѣдуетъ такъ называемая „свободная индивидуалистическая мораль“, а *пользу человѣчества*. Если и это „вознесеніе къ идеалу“ Золя назоветъ „химерами и безбожными рѣчами“, мы напомнимъ ему только, что, пока ему дозволено предлагать, какъ онъ самъ говоритъ, „*тоже вѣру*“, вѣру въ трудъ безсознательный, невольный и безцѣльный, или исходящій изъ единичнаго сознанія, изъ личнаго желанія и направленный къ личнымъ цѣлямъ, рядомъ съ нимъ по меньшей мѣрѣ позволительно предлагать и другую вѣру, тоже въ трудъ, но въ трудъ совокупный, всеобщій, добровольный и исходящій изъ всеобщаго сознанія и рѣшенія и къ общей, единой, всеобъемлющей цѣли направленный.

III.

> Das Böse zu meiden das erfordert andere Kräfte (als erhabene Gesinnungen) da muss der ganze Mensch sich zusammen nehmen, oft bis zur Vernichtung sich anstrengen, und am Ende finden, dass er zu wenig hatte an den Kräften seiner ganzen Menschheit.
>
> F. H. Jacobi

Золя въ такой степени проникнутъ своею вѣрою, что въ немъ нѣтъ мѣста для пониманія вѣры другихъ во что-либо иное. Все остальное онъ самымъ спокойнымъ тономъ относитъ къ „химерамъ, отжившимъ миѳологіямъ, вреднымъ легендамъ, къ мукамъ безконечности, отъ которыхъ желательно избавить людей, къ опасностямъ мечты, къ добродѣтели невѣжества“ и проповѣдь чего-либо подобнаго называетъ то „великодушнымъ предложеніемъ“, неизбѣжно однако направляющимся въ дурную сторону, то „безбожными рѣчами“. Не будемъ спорить съ нимъ! *Такихъ вѣрующихъ* не переспоришь! „Они слишкомъ позитивны“ въ своей вѣрѣ для того, чтобы быть въ состояніи отнестись съ критическимъ безпристрастіемъ къ вѣрѣ другихъ. По счастью, не всѣ такъ беззастѣнчиво прямолинейны въ признаніи правымъ только одного себя. Рядомъ съ переполненною слѣпою вѣрою и самоувѣренностью рѣчью З. передъ нами переполненное отрадными надеждами и глубокимъ почтеніемъ къ свободѣ мнѣній и вѣрованій письмо А. Дюма, написанное въ отвѣтъ на рѣчь З. и излагающее намъ его собственный взглядъ на современное положеніе умовъ. Въ противоположность мажорному, бодрому, рѣшительному, но сухому тону рѣчи З., признаніе Д. отличается прочувствованными, меланхолическими, минорными созвучіями, въ которыхъ слишкомъ явственно выдѣляется нота утомленія жизнью и жажды скорѣйшаго успокоенія отъ слѣдствій вѣчнаго раздора между людьми. Авторъ заявляетъ о „совершенной опредѣленности и даже безусловности своего собственнаго отношенія“ къ тому, что называютъ „великими міровыми вопросами“, но отъ высказыванія ихъ онъ уклоняется, „предпочитая не давать своего мнѣнія относительно чего бы то ни было, очень хо-

рошо зная, что это ни къ чему не поведетъ". Не желая „ничего творить и ничего разрушать", онъ полагаетъ, что „лучше было бы совсѣмъ не спорить".

Здѣсь передъ нами признаніе не отдѣльнаго дряхлѣющаго ума, а тысячи умовъ, перетомившихся въ неуставшихся поискахъ истины и правды. Очевидно, мы здѣсь попадемъ въ многолюдный лагерь, противоположный небольшой группѣ „избранныхъ, удовлетворенныхъ умовъ", въ безчисленную толпу тѣхъ, кому, по превосходному слову Дюма, „нужно надѣяться столько же, если не больше, чѣмъ знать". Самъ переполненный этою потребностью, авторъ не съ ученымъ безсердечіемъ Гексли и не съ позитивистическимъ спокойствіемъ Золя, а съ глубокимъ, искреннимъ, тепло, хотя нѣсколько сентиментально выраженнымъ чувствомъ жалости относится къ той части человѣчества, которая „страдаетъ ужасно отъ неизвѣстности относительно вещей, для нея наиболѣе интересныхъ, и постоянно ищетъ положенія лучшаго, чѣмъ то, въ которомъ она находится". Потребность эту онъ признаетъ естественною, выводя ее изъ физическихъ и психическихъ условій жизни человѣка, изъ трагическаго положенія разумнаго существа, призваннаго къ жизни, жаждущаго жить вѣчно и осужденнаго однако жить только минутно среди вѣчной жизни „окружающей и возбуждающей его, подсмѣивающейся надъ нимъ и уничтожающей его природы". Естественное, основное желаніе жить вѣчно и быть вѣчно счастливымъ ведетъ къ столь же понятному желанію разъяснить средства и препятствія къ тому. Признавая, въ полной силѣ, правоспособность всѣхъ и каждаго на эти поиски и разъясненія и требуя предоставленія имъ „полной свободы", въ отличіе отъ З., предпочитающаго надъ ними глумиться и совѣтующаго „избавить отъ нихъ людей", Д. однако приходитъ къ грустному заключенію, что поиски эти въ предѣлахъ „достовѣрнаго знанія" были, есть и, повидимому, будутъ безплодными. Человѣкъ, — конечная, мимолетная, ограниченная въ своихъ умственныхъ, слабая въ своихъ физическихъ силахъ часть безпредѣльнаго вѣчнаго міра, богатаго стихійною силою, неразумною и жестокою по отношенію къ людямъ,—человѣкъ, полагаетъ Д., не въ состояніи познать цѣлаго, то-есть природу, а слѣдовательно и

овладѣть ея законами настолько, чтобы „рѣшить великую задачу причинъ и слѣдствій“, а слѣдовательно и чтобы измѣнить условія своего существованія сообразно съ желаніемъ вѣчной жизни и вѣчнаго счастія. Вотъ почему Дюма полагаетъ, что „лучше было бы совсѣмъ не *спорить*“ объ этой загадкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что не спорить о ней невозможно, такъ какъ потребность умственной работы въ этомъ направленіи дана стихійно, заложена въ насъ физіологически, и „20-лѣтнія дѣти непремѣнно объявляютъ, что они имѣютъ неопровержимое разрѣшеніе разгадки (загадки)? въ своихъ совершенно молодыхъ мозгахъ“. Относя всѣ попытки ея рѣшенія только къ „горячности силы и крови“, Д. и въ результатахъ какихъ бы то ни было ея рѣшеній со стороны знанія видитъ не новую высшую степень развитія послѣдняго, а только вѣчно повторяющіеся, въ сущности тожественные „припадки лихорадки роста“ у отдѣльныхъ субъектовъ и цѣлыхъ поколѣній, увлекаемыхъ жаждою знанія. Остынетъ кровь, отбавится энергіи, и „многіе, многіе изъ воюющихъ настоящаго часа встрѣтятся на проселочныхъ дорогахъ жизни, отчасти усталые, отчасти разочарованные борьбою съ дѣйствительностью и вмѣстѣ, рука съ рукой, вернутся на большую дорогу, съ грустью признавая, что, несмотря на ихъ прежнія убѣжденія, земля осталась круглою и вертится все въ томъ же направленіи, и что тѣ же горизонты разстилаются подъ все тѣмъ же безконечнымъ и закрытымъ небомъ“.

Увы! сказанное, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно относительно многихъ и многихъ! Но, заимствуя у г. Золя одно изъ его ободряющихъ словъ, чтобы дать ему иное, нежели у него, назначеніе, мы скажемъ: „это—усталость“, которая, какъ бы часто она ни повторялась, не должна приводить въ отчаяніе бодрыхъ духомъ и еще способныхъ бороться изъ мрака къ свѣту. Однако Д. не раздѣляетъ этого мнѣнія, полагая, что великой задачи причинъ и слѣдствій не разрѣшатъ никакія усилія, никакое знаніе „даже и черезъ тысячи вѣковъ“. Какъ ни трудно переносимо для любознательнаго ума заключеніе, что „сила, сотворившая міръ, сдѣлавъ насъ своими орудіями, удержала за собою право знать, зачѣмъ она насъ сдѣлала и куда она насъ ведетъ“, тѣмъ не менѣе Д. мирится съ этимъ заключеніемъ, какъ мирится

съ нимъ большинство, и полагаетъ даже, что „человѣчество начинаетъ отказываться отъ желанія проникнуть его“, въ чемъ, думается намъ, онъ едва ли правъ. Но съ чѣмъ, по мнѣнію Д., не мирится почти никто, даже изъ уставшихъ и извѣрившихся въ силѣ знанія, такъ это та, ужасъ наводящая, пустота, которая обнаруживается на мѣстѣ неудовлетворенной потребности знанія (закона причинъ и слѣдствій) и вытекающее отсюда сознаніе, что „человѣку въ концѣ концовъ нужно *надѣяться* столько же, если не больше, чѣмъ *знать*“, что онъ долженъ стремиться къ улучшенію своего положенія и средствъ къ тому долженъ искать въ области философіи. На мѣсто науки, неспособной дать счастье, Дюма выдвигаетъ на первый планъ философію, дѣлая изъ нея не учительницу, а *утѣшительницу* жизни,— назначеніе почтенное, но совершенно противоположное взгляду Золя на задачу философіи, разумѣется неспособнаго унизить профессора науки низведеніемъ его до уровня сестры милосердія. Но Д. не смущается такою перемѣною роли философіи: позитивистъ въ запросахъ чувства не меньше, чѣмъ З. въ запросахъ мысли, онъ не видитъ ничего унизительнаго въ томъ, что человѣкъ, „не имѣя возможности установиться въ достовѣрности, носится въ неопредѣленныхъ идеалахъ, и какъ бы онъ далеко ни отклонялся въ скептицизмъ и отрицаніе, онъ всегда возвращается къ надеждѣ, безъ которой онъ жить не можетъ“.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя противоположными полюсами человѣческаго сознанія: на одномъ царитъ непреодолимое желаніе *знать*, на другомъ — желаніе *быть счастливымъ*, на одномъ — преклоненіе передъ *логическимъ выводомъ мысли*, на другомъ — передъ *непреодолимымъ требованіемъ чувства;* и, если даже признанная неспособность науки даровать счастье не въ состояніи поколебать *въ умѣ* человѣка перваго типа любви къ знанію и вѣры въ него, то у другого признанная невозможность знанія не въ силахъ вырвать *изъ сердца* любви къ счастью и надежды на него.

Это влеченіе Д. называетъ „неудержимою потребностью идеала въ человѣкѣ“. Обходя двусмысленное слово „идеалъ“, вводящее въ опасное метафизическое искушеніе превратить въ нереальное (исчерпываемое однимъ понятіемъ, идеей) то, что одна-

ко должно быть самымъ существеннымъ, самымъ важнымъ для человѣка, вѣрнѣе было бы назвать это влеченіе неудержимою потребностью человѣка въ *правдѣ*, то-есть въ такомъ порядкѣ вещей, въ такомъ строѣ личной и общественной жизни, который былъ бы согласенъ съ его взглядами на благо, добро и красоту. Какъ бы то ни было, Д. признаетъ, что это стремленіе не истребимо, что человѣкъ уже такъ созданъ, что онъ, зажавши сердца раны, стремится жадно въ сферы тѣ, гдѣ философскіе туманы плывутъ въ холодной высотѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Дюма, въ отвѣтъ на это стремленіе, человѣчеству не дали желанныхъ доказательствъ и разъясненій „ни религи, потому что онѣ были различны, ни философіи, потому что онѣ были противорѣчивы". Онъ считаетъ, на основаніи этихъ повторяющихся неудачъ, естественнымъ, что за послѣднее время все чаще и чаще появляются люди, которые „во имя разума, науки и наблюденія отрицаютъ истины, объявляютъ ихъ относительными и хотятъ разрушить тѣ формы, которыя ихъ содержатъ". Но его возмущаетъ, когда стороны, во имя ли знанія, во имя ли вѣры, или во имя надежды, забываютъ о любви и начинаютъ доказывать свою вѣру ударами кулака или инымъ высокомѣрнымъ и насильственнымъ отношеніемъ къ противникамъ.

До сихъ поръ мы можемъ только сочувствовать человѣчному взгляду на дѣло г. Д., слова котораго производятъ отрадное умиротворяющее впечатлѣніе послѣ слишкомъ задорной и потому невольно возбуждающей раздоръ рѣчи г. З. Но, *при всемъ нашемъ несочувствіи какому бы то ни было фанатизму*, не исключая и новѣйшаго, мы не можемъ все-же не признать, что фанатизмъ, хотя и есть зло, но, при продолжающемся разладѣ людей даже въ самыхъ основныхъ взглядахъ на истину и правду,—зло почти всегда, почти неизбѣжно, сопровождающее (въ бо́льшей или меньшей степени) слишкомъ крѣпкую вѣру въ опредѣленную истину, такъ что къ нему, основательнѣе, чѣмъ къ любви физической, примѣнимъ общеизвѣстный афоризмъ: „кто сильно любитъ, тотъ ревнуетъ". Наоборотъ, полная терпимость, никогда не нарушающая не только въ теоріи, но и въ дѣйствительности, безпристрастія, и держащая въ почти что полномъ равновѣсіи и свое убѣжденіе, и чужое, *при настоящемъ положеніи дѣлъ*, слиш-

комъ частый спутникъ, если не непремѣнно слабаго убѣжденія и малой любви къ нему, то просто духовнаго слабосилія, неспособности достаточно энергично и рѣшительно провести до крайнихъ слѣдствій свое убѣжденіе и сопоставить его съ основаніями и крайними же слѣдствіями чужихъ убѣжденій. То и другое — печальныя противоположности насилія и безсилія, неустранимыя до тѣхъ поръ, пока длятся не-братскія отношенія между людьми, пока истина не совпала съ правдою и потому остается возмутительною для правды, невозможною въ царствѣ правды, „*моею, нашею*“ и „*вашею, чужою*“, истиною, а не *общею, всеобщею* истиною. Какъ ни грустно, но приходится сознаться, что пока люди считаютъ, что истина — одна и та же для всѣхъ, что она не терпитъ въ себѣ противорѣчій и что тѣмъ не менѣе эта истина еще не признана единодушно всѣми, — *безусловная* терпимость возможна только относительно *мнѣній*, относительно того, *что кажется* человѣку, а не относительно *убѣжденій*, то-есть того, что онъ считаетъ *доказаннымъ*. Вотъ почему мы охотно вѣримъ г. Д. относительно опредѣленности и безусловности его убѣжденій и не осмѣливаемся назвать его индифферентистомъ, но мы не можемъ не замѣтить, что либо свойства этихъ убѣжденій, либо его силы таковы, что все человѣколюбивое признаніе его отзывается усталостью, разслабленіемъ; иначе онъ, признающій „безусловныя“ убѣжденія, не сказалъ бы: „лучше было бы вовсе не спорить“, то-есть не пытаться убѣждать. Проповѣдуя необходимость надежды, онъ не подрывалъ бы больше самихъ ея противниковъ, вѣру въ ея основательность, не только признавая, что „человѣчество живетъ на землѣ, не зная зачѣмъ, не зная какъ“, но и мирясь съ этимъ, отказываясь не только за себя, но и, преждевременно, за все человѣчество отъ надежды разгадать великую тайну, а *въ смыслѣ средствъ къ тому* — отказываясь: отъ науки—потому что она не включаетъ эту надежду въ свою задачу, отъ религій—потому что онѣ различны, отъ философій—потому что онѣ противорѣчивы. Взамѣнъ ихъ, Д. ограничивается удержаніемъ для людей „простаго инстинкта и здраваго смысла для того, чтобы управиться съ ними одними и быть настолько счастливыми, насколько это возможно“, забывая, что для достиженія того, чего не достигли усилія и религіи, и науки, и фи-

лософіи, и инстинкта, и здраваго смысла, взятыхъ вмѣстѣ, того конечно ужъ не достигнуть однимъ безотчетнымъ инстинктомъ при помощи здраваго смысла, который, послѣ отреченія отъ своихъ бывшихъ, если не союзниковъ, то все же сотоварищей по труду, можетъ оказаться очень не здоровымъ, если только не окажется, при такихъ условіяхъ, пустымъ словомъ, лишеннымъ смысла.

Впрочемъ состязаться относительно этого вопроса съ Д. излишне не потому, чтобы мы раздѣляли его взгляды на полную безполезность какихъ бы то ни было споровъ, а потому, что Д. выставляетъ свою надежду на будущіе успѣхи инстинкта и здраваго смысла еще болѣе голословно, нежели вѣрующіе въ чистое знаніе выставляютъ свою надежду на его силы, способности и возможности. Подтвержденій его надежды въ прошломъ и настоящемъ мы не видимъ; его и не можетъ быть, разъ самъ Д. сознаетъ, что человѣчество *только начинаетъ* стараться „управиться“ съ вопросомъ о своемъ счастьи при помощи одного инстинкта и здраваго смысла. Съ какой стати, послѣ разочарованій въ стольких могучихъ силахъ, какъ въ религіозной, философской и научной, мы повѣримъ въ успѣхъ смутнаго инстинкта и здраваго смысла, лишеннаго здѣсь лучшей половины содержанія, надъ которымъ онъ до сихъ поръ упражнялся? Не потому, что мы бы хотѣли повторить старое „изъ Назарета можетъ ли быть что-либо доброе?“, не потому чтобы не признавали значенія и условной пользы инстинктивныхъ влеченій въ человѣкѣ, или отвергали бы смыслъ обыденнаго здраваго смысла, а потому что, donec contrarium probetur, было бы смѣшно довѣрять безсознательному и невольному болѣе, нежели сознательному и волевому съ одной стороны, а съ другой—потому что, оставляя уже въ сторонѣ не лишенное правды замѣчаніе: „trop de sens commun pourrait nuire“ (Buffier), здравый смыслъ, предоставленный одному себѣ, если только не ограничивать его областью отвлеченныхъ логическихъ и математическихъ истинъ, не всегда и не у всѣхъ оказывается критеріемъ совершенно тождественнымъ и опредѣленнымъ, а потому именно въ вопросахъ практическаго свойства не можетъ служить одинъ достаточнымъ орудіемъ „управиться“ со сложными задачами жизни. Ни Дюма, ни его восторженному

панегиристу гр. Толстому, усматривающему въ немъ своего союзника въ подвигѣ развѣнчанія авторитета ученаго и философскаго мышленія, вѣрить на слово относительно благотворныхъ слѣдствій отказа отъ того и другого, мы подождемъ до тѣхъ поръ, пока не увидимъ какого-либо опытнаго доказательства благаго исхода этого рискованнаго, а, на нашъ взглядъ, просто психологически неисполнимаго шага.

До крайностей гр. Толстого Дюма конечно не доходитъ, и напрасно первый видитъ въ немъ своего единомышленника и признаетъ его за „пророка“ благой вѣсти „не-дѣланія“, долженствующей спасти міръ отъ его бѣдствій. Д. возражаетъ не противъ науки вообще, а только противъ предубѣжденія, будто наука въ состояніи объяснить и доказать нѣкоторыя упованія человѣческаго духа, и противъ фанатическаго осужденія лицъ, тѣмъ не менѣе упорствующихъ въ своемъ стремленіи къ тому, что составляетъ предметъ этихъ упованій. Онъ возстаетъ противъ подобнаго же притязанія философіи на деспотическую власть надъ умами, „не думая однако нимало стѣснять полную свободу искать въ области философіи средство быть счастливымъ“ и даже признавая это стремленіе неискоренимымъ въ умѣ. Наконецъ онъ вовсе не раздѣляетъ мнѣнія графа Толстого, будто необходимо остановить колесо современной жизни и весь, связанный съ его ходомъ, трудъ человѣчества. Онъ только, и вполнѣ основательно, возражаетъ Золя, что предлагаемый послѣднимъ трудъ, трудъ, къ которому Д. мѣтко прилагаетъ старую кличку „labor improbus“, не исчерпываетъ потребности дѣятельности въ человѣкѣ, не побѣждаетъ зла и несчастія и не можетъ служить успѣшнымъ лѣкарствомъ противъ нихъ. Д. не допускаетъ, чтобы даже среди утомленія непрерывнаго ежедневнаго трудового урока человѣкъ могъ забыть „муки безконечности“ и отбросить роковой вопросъ о причинахъ и слѣдствіяхъ. „Ни пріобрѣтеніе пищи, ни нажива состоянія, ни пріобрѣтеніе знанія и славы не могутъ удовлетворить человѣка, такъ какъ, кромѣ тѣла, которое надо питать, и ума, который надо образовывать и развивать, у него несомнѣнно есть еще и душа, которая въ свою очередь заявляетъ свои требованія. Она-то находится въ непрестанномъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ, и до тѣхъ

поръ пока она не получитъ *весь* свѣтъ и не завоюетъ *всю* истину, она будетъ мучить человѣка".

Включивши въ требованія души полученіе *всего* свѣта и завоеваніе *всей* истины, Д. заранѣе осудилъ всѣхъ, имѣющихъ душу, на вѣчныя мученія, такъ какъ самъ онъ, немногими строками выше, объявилъ, что не допускаетъ и черезъ двадцать вѣковъ возможности рѣшенія человѣкомъ того, что для него наиболѣе интересно, и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе *всей* истины. Не придираясь однако къ неосторожнымъ выраженіямъ и допуская еще возможность избавленія отъ вѣчныхъ мукъ для имѣющихъ душу (такъ какъ пессимистическое отчаяніе Д. можетъ оказаться преувеличеннымъ), посмотримъ лучше, какимъ же способомъ, съ его точки зрѣнія, могло бы и, какъ онъ надѣется, имѣетъ совершиться это завоеваніе, не говоримъ уже всей (ибо, при указанныхъ основаніяхъ, это невозможно), а только, если можно такъ выразиться, *душевной истины*, въ отличіе отъ *умственной*, или того, что мы предложили бы назвать *правдою жизни*, то-есть долженствующаго быть, вмѣсто существующаго и совершающагося.

Здѣсь мы касаемся самаго трогательнаго, почти неотразимо увлекающаго мѣста признанія Д. Оно навѣяно такими отрадными впечатлѣніями, такими святыми желаніями, что опасаешься, нѣтъ ли кощунства во внушеніи недовѣрія къ этимъ чистымъ упованіямъ въ приближающуюся будто бы побѣду правды, нѣтъ ли загрязняющей дерзости въ попыткѣ дозволить все разлагающей критической мысли коснуться этой свѣтлой мечты о лучшемъ будущемъ. И больно, и грустно чувствовать себя принужденнымъ сказать, что поставленныя такъ, эти упованія несбыточны, эти мечты останутся мечтами. Но, уважая совѣтъ: „духа не угашайте; пророчества не уничижайте!", не забудемъ и другого, не менѣе нужнаго и рядомъ поставленнаго: „все испытывайте" и только „хорошаго, добраго держитесь" (1 Θесс. 5, 19—21). Къ дѣлу же! — не для развѣнчанія благороднаго, а для укрѣпленія его, если полагаемыя въ основу его средства осуществленія шатки и недостаточны.

Вдохновляясь многими новыми проявленіями человѣколюбія и ссылаясь въ особенности на глубокую духовную неудовлетворенность и на возрастающій запросъ на положительное въ самое

послѣднее время, Д. находитъ, что „никогда душа такъ не занимала людей, не налагала на нихъ съ такою силою свою власть, какъ теперь, что она разлита во всемъ воздухѣ, который вдыхаетъ міръ“. И основательно радуется онъ преимущественно все возрастающему „сліянію прежде разрозненныхъ индивидуальныхъ душъ въ одну, общую, коллективную душу“, необходимую для того, „чтобы люди впредь осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единеніе и правильный прогрессъ нашій, недавно еще враждебныхъ другъ другу“. Проявленіе этой-то новой души авторъ видитъ во многихъ фактахъ, однако не перечисляя ихъ, и придаетъ имъ значеніе настолько, что все, имъ противорѣчащее: „вооруженія народовъ, угрозы ихъ другъ другу, возобновленіе гоненій на извѣстныя народности и всѣ враждебности между соотечественниками“ считаетъ за „послѣднія судороги болѣзни, готовящейся исчезнуть съ лица земли“. „Взаимное пониманіе неизбѣжно наступитъ въ скоромъ времени“, говоритъ онъ и полагаетъ, что время это ближе, чѣмъ обыкновенно думаютъ; ему кажется, что „міръ уже вступаетъ въ эпоху безусловной человѣчности, когда будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга...“

На эти свѣтлыя мечтанья что̀ можемъ мы сказать въ отвѣтъ? Разубѣждать ихъ нѣтъ желанья, а имъ повѣрить силы нѣтъ! Нѣтъ потому, что они слишкомъ неточны въ лежащихъ въ ихъ основѣ наблюденіяхъ надъ настоящимъ и слишкомъ шатки въ основахъ своихъ надеждъ на будущее. Грустно самому, обидно за человѣчество быть принужденнымъ противорѣчить слишкомъ оптимистическому взгляду Д. на современное положеніе дѣлъ. Мы не отрицаемъ возрастанія числа отдѣльныхъ частныхъ проявленій человѣколюбія, ни нѣкотораго прироста человѣколюбія коллективнаго. Но все это пока еще только ничтожныя свѣтлыя точки среди неизмѣримо широкаго, мрачнаго моря себялюбія, корысти, раздора, скрытаго коварства и явной вражды, до чудовищнаго разрастанія безсердечнаго милитаризма включительно. Насъ не смутилъ бы однако огромный перевѣсъ зла надъ добромъ въ настоящую минуту, если бы мы могли согласиться съ Д., что во злѣ, хотя количественно несравненно большемъ, нежели добро, „нѣтъ уже души“. Къ сожалѣнію, въ Д. больше доброжела-

тельства и благонамѣренности, нежели наблюдательности. Душа не только еще есть во злѣ, но она продолжаетъ расти въ немъ, пріобрѣтать новыя опоры и оправданія своего существованія, и еще вопросъ, чей ростъ быстрѣе: добра или зла, и которое изъ двухъ имѣетъ наибольшую вѣроятность на дальнѣйшее развитіе, если существующія условія останутся въ своихъ основахъ неизмѣненными. Возьмемъ хотя бы примѣръ, приводимый самимъ Д.,—вооруженія, войны... Когда были они такъ чудовищны по количеству жертвъ, какъ въ нашъ вѣкъ? Центры міровой исторіи, Троя, Карѳагенъ, Римъ, Византія не часто видали подъ стѣнами своими столько смертей въ одинъ гибельный день, сколько видѣли ихъ въ наши дни мы...

Но какъ ни чудовищна война между образованными націями, она, конечно,—только часть открытой вражды, которою полонъ міръ. Нельзя забывать полупросвѣщенныхъ и дикихъ народностей: Южная Америка переживаетъ чуть не ежедневныя кровавыя революціи; европейцы въ четырехъ частяхъ свѣта порабощаютъ туземное населеніе, которое таетъ передъ свѣтомъ ихъ цивилизаціи, какъ тѣнь отъ лучей восходящаго, но не жизнь, а смерть для нихъ несущаго солнца просвѣщенія; исламъ дышетъ прежнимъ фанатизмомъ; его звѣрства въ Болгаріи еще свѣжи въ памяти у всѣхъ; насильно сдерживаемый русскимъ солдатомъ въ Средней Азіи, онъ начинаетъ зловѣще роптать въ Индіи и побѣдоносно торжествуетъ свое возрожденіе въ Африкѣ.

Если честолюбивые и внѣшне-политическіе мотивы къ войнѣ даже и слабѣютъ, къ ней съ неумолимою логикою приводятъ другія побужденія, земельныя и торгово-промышленныя. Населеніе земли быстро растетъ, а площадь земли не увеличивается и съ каждымъ днемъ все вѣрнѣе становится восклицаніе Колумба: „земля—вещь небольшая!“ На ней становится тѣсно. Переселеніе, занятіе порожнихъ земель имѣетъ также свои предѣлы; это все короткая отсрочка зла и притомъ покупаемая цѣною другого зла—гибелью цѣлыхъ народовъ, что уже само по себѣ не дѣлаетъ чести наиболѣе образованнымъ и человѣколюбивымъ націямъ. Съ дальнѣйшимъ же возрастаніемъ тѣсноты вѣроятность грозной борьбы за обладаніе основою всего вещественнаго благосостоянія, землею, предстанетъ въ еще болѣе ужасающемъ видѣ.

Важнѣе однако другая причина настоящаго и будущаго несчастія людей: все возрастающая борьба экономическая, промышленная, торговая, финансовая. Вотъ зло сравнительно новое, все прибывающее въ силѣ, узаконяемое и жизнью общества, и ученою теоріей; вотъ борьба за существованіе, вотъ homo homini lupus, облеченный не въ форму разбойничьяго звѣрства, а въ изящную одежду современнаго дѣльца, торжество ловкаго и сильнаго надъ обреченнымъ здѣсь на неминуемую гибель неумѣлымъ и слабымъ, которому изъ принципа никто не сочувствуетъ и которому даже изъ жалости помочь невозможно. Вотъ неизсякаемый источникъ лжи (фальсификація), всеобщаго соблазна (реклама), вѣчнаго раздора и помѣхи другъ другу (конкуренція), превознесенія себялюбія надъ человѣколюбіемъ забвенія братства съ признаніемъ равенства только для права на борьбу, съ вѣчнымъ однако стремленіемъ его нарушить (привилегія), и въ концѣ концовъ забвеніе справедливости, вѣчный источникъ войнъ, болѣе опасный и труднѣе устранимый, нежели самыя войны, войнъ и внѣшнихъ, и междоусобныхъ, войнъ народностей, сословій, корпорацій и отдѣльныхъ личностей другъ противъ друга. Правда, нашему вѣку принадлежитъ честь и заслуга многочисленныхъ благонамѣренныхъ, искренно высказанныхъ проектовъ устраненія бѣдствій, *сопровождающихъ* это зло; но не говоря уже о наивной непрактичности большинства изъ этихъ проектовъ, всѣ они направляютъ свои удары *на слѣдствія, а не на причины;* оттого всѣ планы общинниковъ, народниковъ, всѣхъ Генри Джорджей, Беллами, Карнеджи и пр. и пр. устраняютъ только существующія формы, а не корень раздора и вражды; и мы твердо убѣждены, что *никакія только экономическія и соціальныя* реформы не въ силахъ устранить ихъ истинной причины, и вотъ почему: во 1-хъ, потому что не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ, а во 2-хъ, потому что необезпеченность всѣхъ даже насущнымъ хлѣбомъ и здоровьемъ, этими основными условіями мира, зависитъ *въ концѣ концовъ* не отъ вторичныхъ, экономическихъ и соціальныхъ причинъ, а отъ первичныхъ, *физическихъ*, то-есть не столько отъ отношеній людей къ людямъ, сколько отъ отношенія *природы къ людямъ и людей къ природѣ.*

Рядомъ съ главными (политическими и экономическими) широкими потоками зла, которымъ пока противоставлены только жалкія, дырявыя фашинныя плотины, удерживающія ихъ лишь до перваго напора вѣтра (разумѣю всѣ эти волненія рабочихъ, стачки, тарифныя войны) и до первой грозной бури (парижская коммуна, динамитныя „демонстраціи“ анархистовъ), сколько другихъ, болѣе скрытыхъ, но бойко бьющихъ подъ блестящимъ цвѣтникомъ современной культуры, зараженныхъ родниковъ безсердечнаго эгоизма, грязной порочности и ненависти!..

Намъ говорятъ о ростѣ коллективной души, а мы видимъ пока только ростъ мелкихъ корпорацій, мелкихъ, въ своемъ крайнемъ раздѣленіи круга, союзовъ, со столь же узкими, исключающими другія формы, самостоятельными регламентаціями,— специализированіе, дифференцированіе, дробленіе,—все, что хотите, только не объединеніе! Лиги, союзы, ассоціаціи, корпораціи, конгрегаціи, общества, землячества, артели, кружки, клубы... но не союзъ, не общество, не единая, родная духомъ, сильная единствомъ убѣжденія и чувства, согласіемъ воль семья. Во всемъ этомъ есть конечно не мало полезнаго въ частности и эту частную пользу раздробленнаго труда мы не отрицаемъ; но мы не можемъ сочувствовать самому дробленію силъ, обособленію дѣятелей, замкнутости и ограниченности ихъ областей дѣйствія, какъ не можемъ съ грустью не признать, какъ часто въ такого рода дѣятельности многіе, забывая общую благую цѣль, тѣшатъ и славятъ свое мелкое „мы“, дѣлаютъ свое дѣло или дѣльце такъ, что оно вырождается сплошь и рядомъ въ бездѣлье, въ безсильную и потому безплодную забаву, и, сознательно или безсознательно, конкурируютъ другъ съ другомъ, вредятъ другъ другу или, по меньшей мѣрѣ, отвлекаютъ вниманіе отъ дѣйствительно всеобщаго, всечеловѣческаго и всемірнаго дѣла.

Намъ говорятъ объ отживающей религіи, объ умершей церковности... Но, каковы бы ни были ошибки и злоупотребленія въ его осуществленіи, идеалъ религіи, какъ всеобщаго союза людей, объединенныхъ единымъ общимъ убѣжденіемъ, проникнутыхъ единымъ общимъ чувствомъ, идеалъ церкви, какъ всемірнаго царства правды на землѣ, остается высшимъ образцомъ человѣчности, приближаться къ которому новый свѣтскій идеалъ

единства начнетъ только тогда, когда отъ дробленія перейдетъ къ сочетанію, сплоченію, и не механическому, а органическому, отъ индивидуализированія (обособленія) къ объединенію, отъ вѣчныхъ толковъ о расширеніи личной свободы и личныхъ правъ къ дѣятельнымъ трудамъ *добровольнаго* увеличенія обязанностей личности къ цѣлому. Но для этого недостаточно искусственныхъ мелкихъ сочетаній, сшивокъ, скрѣпленій уставами и параграфами: нуженъ общій порывъ любви, тотъ духъ животворящій, который перерождаетъ органически и образуетъ ту единственную почву, на которой дерево жизни возрастаетъ и развивается стройно и цѣльно; а такой порывъ можетъ создаться не иначе, какъ на почвѣ новаго, самобытнаго мировоззрѣнія, хотя и почерпнутаго изъ вѣчныхъ основъ человѣчности, на почвѣ новаго синтеза всѣхъ силъ и способностей человѣчества.

Ничего такого, къ несчастью, не видимъ пока въ свѣтскомъ идеалѣ „космополитической гуманности“: его поклонники еще не согласились ни относительно цѣли прогресса, ни относительно его средствъ, не чмѣтили даже основными *реальными* чертами, какъ должно состояться примиреніе лежащаго въ основѣ ихъ идеи прогресса внутренняго противорѣчія: безпредѣльнаго развитія личности (начало индивидуализаціи) съ одной стороны и безграничнаго же расширенія правъ общества съ другой. Все будетъ, все сдѣлается! но какъ и почему—не знаемъ, а, по другимъ,—и знать впередъ не можемъ. И тѣмъ не менѣе насъ приглашаютъ пока, изъ-за надежды на будущую общечеловѣчность, отказаться, какъ отъ слишкомъ узкихъ путей къ ней, отъ *реальныхъ* и *естественныхъ* формъ *дѣйствительнаго* объединенія: отъ родственнаго союза, несомнѣнно слабѣющаго, отъ любви къ отечеству, которая для многихъ уже чуть ли не отсталость, отъ духовнаго союза церкви, которая (говорятъ намъ) совсѣмъ уже ветхое рубище, завѣщанное вѣками невѣжества и суевѣрія... И все это во имя вѣры въ отвлеченную и неопредѣленную идею прогресса! Блаженъ, кто вѣруетъ! Но никому не воспрещено и сомнѣваться!

А сомнѣніе растетъ, когда видишь, насколько рознь не только сильна, но все усиливается. Развѣ „Wahlverwandschaft“, родство по выбору, по личной симпатіи (дѣло само по себѣ хоро-

шее), не вытѣсняетъ (дѣло плохое!) естественнаго родства по природѣ, по обязанности, природнаго братства. И однако мы толкуемъ о всемірномъ братствѣ! Развѣ старый идеалъ брака, заключаемаго передъ лицомъ неба, брака Богомъ сочетаннаго, неразрывнаго, потому что въ немъ двое будутъ не только плоть едина, но, по смыслу, и душа едина, не имѣетъ всѣхъ вѣроятностей быть смѣненнымъ, какъ вымирающая, архаическая форма, условною гражданскою сдѣлкою передъ лицомъ нотаріуса, сдѣлкою, редакція которой, какъ и всякаго чисто гражданскаго договора, отъ главныхъ основаній до мелочей, дѣло только свободнаго соглашенія контрагентовъ? И развѣ ко всему этому нѣтъ дѣйствительно вѣскихъ основаній, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, что союзъ, наиболѣе приближающійся по своему смыслу къ типу органическаго единства, союзъ супружескій, для большинства современнаго общества выродился въ механическое, искусственное сочетаніе, созданное частными соображеніями и расчетами, а не смысломъ *всей* жизни во всей ея нераздѣлимой полнотѣ? Развѣ въ похвалу самыхъ основныхъ, самыхъ естественныхъ изъ человѣческихъ отношеній, отношеній отца къ сыну и сына къ отцу, мы не слышимъ, что это отношенія „товарищескія“? какъ будто можно, въ похвалу этимъ отношеніямъ, когда они нормальны, что-либо прибавить къ священнымъ словамъ „отеческія, сыновнія, родныя?“ Отовсюду слышится: семья расшатана, семьи нѣтъ! И однако намъ говорятъ, что скоро все человѣчество станетъ одною дружною, любящею семьею! Насъ увѣряютъ, что идеальное, „душевное“, возвышенное начинаетъ привлекать къ себѣ неудержимо. Но и порокъ влечетъ къ себѣ неудержимо. „Nana“, „La Bête humaine“ Золя, „Le Uice suprême“ Пеладана, „La-bas“ и „A rebours“ Гюисманса рисуютъ намъ такой омутъ порока, отъ взгляда въ который стынетъ кровь въ жилахъ. „Это уродства пресыщеннаго развратомъ свѣтскаго общества!“—А „Власть тьмы“, а „La Terre“, гдѣ герои зла—крестьяне? а L'Assommoir“ и „Germinal“, гдѣ они—рабочіе?... „Но порокъ всегда былъ“.—Да! но не всегда извинялся „наслѣдственностью“, „средою“, „вырожденіемъ“, „ненормальностью“, „неврозомъ“, „психозомъ“, „атавизмомъ“, „алкоголизмомъ“, всѣмъ, что, при всей своей человѣколюбивой

подкладкѣ, сводится къ слову болѣе безотрадному, нежели всѣ перечисленные модные термины, къ общему отцу этой больной семьи—къ фатализму.

Но рядомъ съ благонамѣреннымъ, хотя далеко не всегда полезнымъ, извиненіемъ, сколько злонамѣреннаго или безсознательно злаго поощренія зла, его оправданія, даже, если можно такъ выразиться, идеализаціи. Paulhan въ своей интересной книгѣ о „новомъ мистицизмѣ“ посвятилъ остроумную главу разсмотрѣнію современной „любви къ злу“ („l'amour mystique du mal, cette sorte de complaisance dans la dépravation, sentiment raffiné, signe intéressant de notre état moral“), явленіе, въ подтвержденіе котораго онъ приводитъ много яркихъ примѣровъ, устанавливающихъ между прочимъ фактъ, что „не малое количество талантливыхъ писателей тѣшилось и тѣшится систематизаціей и изображеніемъ порочнаго, противоестественнаго“, — литературное направленіе, ведущее свою новѣйшую генеалогію отъ Мюссѣ и Бодлэра, чтобы найти свое завершеніе въ ужасахъ, описанныхъ Пеладаномъ и Гюисмансомъ, и въ безобразіяхъ, воспѣтыхъ Верленомъ въ „Parallelement“, Ришпеномъ въ „Les Blasphèmes“. Въ то самое время, какъ парижанинъ Дюма утверждаетъ, что „никогда *душа* такъ не занимала, не налагала съ такою силою свою власть на человѣка, какъ въ наше время“, другой, парижскій же наблюдатель современной жизни рисуетъ намъ, столь же убѣжденно, ростъ *власти тѣла:* „великій трудъ нашего времени, le deploiement de la magie féminine, проявленіе и осуществленіе магической силы женщины, растетъ, напрягаетъ свою энергію и все болѣе и болѣе окрашивается непреодолимою меланхолей... Вся слава и вся почесть для *тѣла!* Весь умъ, весь геній для красоты!.. *Власть женщины* стала ужасающею, ужасающе обольстительною. Она забрала въ себя *всю силу*, она начинаетъ претендовать на *все право*. Придетъ день, когда она станетъ неограниченною повелительницею... Она пожретъ человѣка“. (Le Bambou. Paris. 1892. № 2. Sourya. A l'ombre et au soleil).—„Безобразіе! декадентство! вырожденіе!“ —Да! Но Ломброзо и его школа скажутъ вамъ, сколько преступниковъ среди этихъ декадентовъ; Пеладанъ возвѣщаетъ, что вся латинская раса декаденты (La décadence latine); Нордау—что вырожденіе у всѣхъ и всюду; Шарко и любой наблюдательный

психіатръ и невропатологъ подтвердятъ страшными цыфрами, какъ велико отношеніе ненормальныхъ людей къ нормальнымъ; но, послѣ столькихъ примѣровъ аномалій, они затруднятся, пожалуй, указать намъ, гдѣ нормальное. Пусть во всѣхъ этихъ выводахъ есть передержки беллетристовъ, преувеличенія любителей парадоксовъ и наконецъ слишкомъ поспѣшныя ошибочныя заключенія добросовѣстныхъ ученыхъ; но все же общая картина настоящаго слишкомъ мрачна, чтобы не увлекающійся наблюдатель могъ почерпнуть въ ней розовыя надежды на будущее.

Увы! *само собою* ничего не дѣлается, а въ чудо мгновеннаго магическаго перерожденія человѣчества, чуда, которому вѣритъ гр. Толстой, мы не вѣримъ. Для одолѣнія зла нужно, слѣдовательно, не „не-дѣланіе“ и не сладкія, необъяснимыя, ничѣмъ положительнымъ не обоснованныя надежды на будущее, а *нужно дѣло, упорнѣйшее напряженіе сознательнаго труда и убѣжденной разумомъ, вдохновленной любовью воли всего человѣчества.* Но откуда они возьмутся при взглядахъ Дюма и Толстого на задачу? Неужели достаточно указываемаго и сильно преувеличеннаго первымъ прироста человѣколюбивыхъ чувствъ въ самое послѣднее время для обезпеченія имъ побѣды? Кто поручится, что это не одна изъ тѣхъ лихорадочныхъ спазмъ любви, которыя столько разъ въ міровой исторіи смѣняли собою бѣшеные припадки ненависти, временно стихавшей для того, чтобы, какъ дикій звѣрь, столь же неожиданно и люто, вырваться затѣмъ снова наружу? Развѣ пророки грознаго Іеговы не возвѣщали „лѣто Господне благопріятное“, когда, забывъ вражду, народы, перекуютъ мечи на плуги и серпы? Развѣ въ дни галилейской проповѣди небо уже не сходило на землю? Развѣ Духъ Святой не вдохновлялъ пламенныхъ рѣчей апостоловъ любви и всемірнаго братства и не изливался на внимавшихъ имъ? Развѣ, въ отвѣтъ на раздавшуюся изъ долинъ и съ холмовъ Умбріи, среди ужасовъ средневѣковаго варварства, свѣтлую проповѣдь ассизскаго святаго, не смолкъ благоговѣйно звонъ оружія, не стихла родовая вражда и, вмѣсто потоковъ крови, обагрявшихъ землю, не понеслись къ небу молитвенные гимны многотысячной толпы народной? Развѣ просвѣщеніе XVIII вѣка въ новой свѣтской формѣ не возвѣщало торжества человѣколюбія, и 89-й годъ не объявлялъ наступленія

царства свободы, равенства и братства?.. И развѣ все это не смѣнилось Голгоѳою, Колизеемъ, инквизиціей, Варѳоломеевской ночью и 93 годомъ?.. Кто это вспомнитъ, тотъ и въ 1893 году не станетъ только мечтать и только надѣяться, а будетъ искать убѣдительныхъ основаній для укрѣпленія своихъ надеждъ.

Но ихъ нѣтъ и быть не можетъ у тѣхъ, кто надѣется только на чувство, какъ Дюма. Чувство — дыханіе жизни; но и разумъ — свѣтъ жизни. Намъ говорятъ, что въ скоромъ времени наступитъ „взаимное *пониманіе*“, что сліяніе индивидуальныхъ душъ въ общую коллективную произойдетъ „сознательно и породитъ *правильный* прогрессъ“. Но для такого пониманія нуженъ разумъ въ полномъ своемъ всеоружіи; для сознанія и правильнаго хода къ благой цѣли нужно знаніе; а именно въ знаніи-то и извѣрились неограниченно довѣряющіе чувству; и что бы они ни говорили, какъ бы они ни надѣялись, какъ бы благородно и возвышенно ни мечтали, сзади отчаявшихся въ наукѣ и знаніи пророковъ великаго новаго добра, мнѣ такъ и видится фигура мелкаго бѣса стараго зла, Мефистофеля, злорадно восклицающаго: „Verleugne nur Vernunft und Wissenschaft, des Menschen allerhochste Kraft, so hab' ich dich schon unbedingt!“ (Лишь отрекись отъ разума и знанья, отъ высшей силы смертнаго созданья, тогда, навѣрное, ты безусловно мой!).

IV.

„Ceux qui, plongés dans la méditation, fermes, se complaisent dans le calme de l'inaction, ces sages, ces savants, arrivés à la bodhi (à la science) parfaite, les dieux-eux mêmes envient leur sort.

Que j'acquiers le bonheur du non-agir, recherché par les âmes d'élite!"

Le Dhammapada. Ch XIV, § 181, et Ch. XIX, § 272 Trad par. F. Hû Paris 1878. p. 45 et 63.

Но если надежды Дюма недостаточно оправданы и слишкомъ шатки, то рѣшительныя утвержденія гр. Толстого совершенно произвольны. Насколько деликатность признанія Дюма обезоруживаетъ желающаго возражать ему, настолько рѣзкій тонъ статьи графа Толстого и ея крайнія преувеличенія ослабляютъ охоту вступать въ пренія съ нимъ. По счастью, опредѣленность убѣжденій и самыя крайности ихъ упрощаютъ и сокращаютъ полемику.

Безусловно осудивши Золя за то, что онъ будто бы узаконяетъ и поощряетъ современный дурной порядокъ вещей и ложный, вредный образъ мыслей, графъ Т. столь же безусловно восхваляетъ Дюма, возводя его въ настоящаго пророка будущаго спасенія человѣчества.

Пророчество это, говоритъ онъ „носитъ на себѣ всѣ главные признаки пророчества: во-1) признакъ противорѣчія со всеобщимъ настроеніемъ окружающихъ его людей, 2) тотъ, что, несмотря на это, люди, слышащіе эти слова, сами не зная почему, соглашаются съ ними, и, наконецъ, 3) и главное, что пророчество это содѣйствуетъ осуществленію того, что оно предсказываетъ". Странно слышать такія легковѣсныя умозаключенія отъ такого великаго ума, какъ гр. Толстой! Во-1) противорѣчіе общепринятому можетъ быть признакомъ не одного только пророчества, но и кое-чего совершенно иного, напр., ненормальнаго душевнаго состоянія или необузданной страсти къ парадоксамъ; 2) не всѣ, слышавшіе слова Д., съ нимъ соглашаются, а изъ согласившихся не всѣ согласились съ нимъ, „сами не зная почему", а по причинамъ, которыя легко могутъ быть объяснены и ими самими, и другими; наконецъ, въ 3-хъ) предполагать рѣ-

шеннымъ, что пророчество это содѣйствуетъ осуществленію того, что оно предсказываетъ, то-есть установленію царства всеобщей любви, нельзя въ силу первичныхъ правилъ всякаго спора, потому что именно о вліяніи и пользѣ этого пророчества и идетъ вопросъ, утвердительный отвѣтъ на который пока оспаривается.

Несмотря на это, гр. Т. настаиваетъ на томъ, чтобы люди „какъ можно больше вѣрили тому, что предсказываетъ Д.“, такъ какъ „тогда тѣмъ скорѣе неизбѣжно наступитъ предсказанное имъ“. Промедленіе со стороны человѣчества представляется нетерпѣливому защитнику пророчества „съ береговъ Сены“ неизвинительнымъ, и онъ рѣшительно осуждаетъ полумѣру несоглашающихся, „продолжающихъ и жить противно любви, и восхвалять ее“.

Причину такого противорѣчія онъ находитъ *только* въ ошибочномъ мышленіи, въ которомъ нѣсколько опрометчиво видитъ и причину, и средство „всѣхъ великихъ перемѣнъ въ жизни человѣка и человѣчества“, забывая всѣмъ извѣстное „video meliora proboque, deteriora sequor“. А потому и единственнымъ лѣкарствомъ противъ всеобщаго заблужденія у него является поистинѣ магическое въ его устахъ слово: „одумайтесь, измѣните свое пониманіе жизни!“ Что думать нужно, что отъ времени до времени одумываться необходимо, что измѣнять пониманіе жизни должно, разъ познана несостоятельность предшествующаго взгляда на ея смыслъ,—всего этого никто и не оспариваетъ. Но что оспаривается и не можетъ не быть оспариваемо, такъ это результаты, ожидаемые графомъ отъ этого одумыванія для общественнаго сознанія. Вотъ они: весь строй современной жизни никуда не годенъ, потому что онъ грубо эгоистиченъ; положенное въ его основу и утверждающее его знаніе частью безполезно, частью вредно и потому должно быть отброшено также, какъ и то, что люди до сихъ поръ считаютъ дѣломъ; трудъ, полагаемый на это ложное дѣло, и всякій трудъ вообще, не есть добродѣтель, а только нравственно-анестезирующее средство; защита его поэтому можетъ принести только вредъ. Этой ложной добродѣтели гр. Т., по примѣру китайскаго мудреца Лао-Дзе, противопоставляетъ добродѣтель „не-дѣланія“ (le non-agir), то-есть воздержанія отъ всего того, что люди дѣлаютъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Отъ

такой пріостановки дѣятельности человѣчества, которую гр. Т. не на шутку считаетъ возможною (хотя возможности этой намъ не понять), онъ ждетъ спасенія человѣчества и притомъ съ поистинѣ чудесною быстротою. „Стоитъ *только* людямъ остановиться въ своей суетѣ, говоритъ онъ, и они *тотчасъ* увидятъ безсмысленность своей дѣятельности, и христіанское пониманіе *само собою* такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно въ морозъ замерзаетъ вода, какъ скоро перестаютъ шевелить ее, сложится въ ихъ сознаніи. А *стоитъ* людямъ усвоить это жизнепониманіе, и любовь ихъ другъ къ другу, ко всѣмъ людямъ, ко всему живому, находящаяся теперь въ нихъ въ скрытомъ состояніи, также *неизбѣжно* проявится въ ихъ дѣятельности и станетъ двигателемъ всѣхъ ихъ поступковъ... и тогда *безъ малѣйшаго усилія* распадутся старыя и сложатся тѣ новыя формы благой жизни, отсутствіе которыхъ представляется людямъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію того, чего давно требуютъ ихъ разумъ и сердце“.

То, что есть, на нашъ взглядъ, основательнаго въ этихъ выводахъ, именно: обличеніе несостоятельности разобщающейся съ жизнью науки и недостаточности безцѣльнаго или ставящаго себѣ произвольную цѣль труда, въ смыслѣ, одобряемомъ Золя, мы уже раньше указали и, какъ сумѣли, подтвердили. Все же остальное представляется до того шаткимъ и слабымъ, что, если бы искренность и серіозность благихъ намѣреній почтеннаго автора въ его проповѣднической дѣятельности для насъ не стояла внѣ всякихъ подозрѣній, мы могли бы это остальное отнести цѣликомъ на долю неумѣренной страсти къ парадоксамъ, къ противорѣчію съ общепринятымъ, но противорѣчію такому, которое, хотя этимъ признакомъ и подходитъ подъ данное графомъ опредѣленіе пророчества, но съ которымъ, тѣмъ не менѣе, большинство читающихъ его не согласится. Въ виду того, что гр. Т. ничѣмъ положительнымъ не подтвердилъ своей вѣры въ спасительныя слѣдствія пріостановки современной „суеты и безсмысленной дѣятельности“ и замѣны ея не-дѣланіемъ, въ виду того, что всѣ эти „стóитъ только“, „тотчасъ“, „само собою“, „безъ малѣйшаго усилія“ и „неизбѣжно“ приняты произвольно, такъ какъ опытомъ они еще не могли быть доказаны, а единственнымъ доводомъ въ ихъ пользу изъ области разсужденія является сооб-

раженіе, что почти все теперешнее безусловно дурно, изъ чего однако не слѣдовало бы заключать, что все предлагаемое будущее безусловно хорошо, и предположеніе, что дѣятельность человѣка, какова она есть, вредна, изъ чего также не слѣдуетъ, чтобы предлагаемое вмѣсто нея не-дѣланіе полезно, въ виду такой голословности утвержденій автора и такъ какъ онъ довольствуется одними отрицательными соображеніями, вмѣсто спора съ нимъ, достаточно ограничиться предложеніемъ самому защитнику недѣланія тѣхъ, какъ ему кажется, рѣшающихъ дѣло вопросовъ, которые онъ, въ качествѣ грознаго обвиненія, бросаетъ въ лицо трудящимся *).

Современная наука, говоритъ онъ, пуста и вредна. Ну, а невѣжество развѣ содержательно и полезно? Трудъ не добродѣтель. Допустимъ! Но развѣ лѣнь не порокъ? „Что, какъ я посвящу всю свою жизнь на изслѣдованіе явленій въ родѣ наслѣдственности по ученію Ломброзо или коховской жидкости, или образованія чернозема посредствомъ дѣятельности червей, или круксовскаго четвертаго состоянія матеріи и т. п. и вдругъ узнаю передъ смертью, что то, на что я посвятилъ свою жизнь, были глупые, а можетъ быть даже и вредные пустяки, а жизнь у меня была только одна?“ Не станемъ уже говорить о томъ, что изслѣдованіе явленій наслѣдственности ставитъ себѣ или можетъ и должно себѣ ставить конечною цѣлью физическое и нравственное исправленіе человѣчества, что изслѣдованіе коховской жидкости — только одинъ изъ эпизодовъ въ благородной борьбѣ знанія съ заразными и хроническими болѣзнями, борьбѣ, надъ которою непозволительно глумиться жителю страны, два года опустошаемой холерою, что изслѣдованіе условій образованія чернозема менѣе всего должно бы подвергаться осмѣянію уроженцемъ черноземной полосы страны по преимуществу земледѣльческой, гдѣ черноземъ начинаетъ быстро изнашиваться и прямо исчезать и которая все чаще страдаетъ неурожаями, и наконецъ совершенно непонятно въ устахъ защитника сельскаго

*) Само собою понятно, что возраженія наши относятся къ гр. Толстому, какъ проповѣднику не-дѣланія, а не къ гр. Толстому, какъ труженику, опровергающему своею собственною дѣятельностью многія положенія своего-же ученія.

труда,—оставляя все это въ сторонѣ, ограничимся и здѣсь простымъ предложеніемъ гр. Т. его собственнаго вопроса: а что, какъ тотъ, кто, слѣдуя его совѣту, броситъ все имъ осужденное, предастся не-знанію и не-дѣланію и вдругъ узнаетъ передъ смертью, что то, на что онъ посвятилъ всю свою жизнь или остатокъ жизни, была глупая и вредная трата времени, а жизнь у него была только одна?.. Но почему не испробовать не-дѣланія, настаиваетъ гр. Т., когда ваше дѣло вредно?—По той простой причинѣ, конечно, что не всѣ убѣждены, что ихъ трудъ доказанно вреденъ, точно такъ же, какъ не доказано еще, что не-дѣланіе полезно, и потому наконецъ, что частичные опыты не-дѣланія, примѣры которыхъ встрѣчались и встрѣчаются въ разныхъ видахъ (исключительно созерцательной жизни, аскетическаго отреченія отъ дѣятельности житейской и наконецъ простой апатіи и лѣни), способны поселить въ умахъ только убѣжденіе во вредѣ не-дѣланія. Не-дѣланіе, даже въ лучшемъ смыслѣ, который ему можно придать, есть качество *только отрицательное*, состояніе *только пассивное*—воздержаніе отъ дурнаго, не болѣе! Но его недостаточно даже для борьбы со зломъ и совсѣмъ уже мало для побѣды надъ нимъ, такъ какъ воздержаться отъ дурнаго еще не значитъ сознать хорошее. Пассивному состоянію надо слѣдовательно противопоставить, и конечно предпочесть, активное, отрицательному—положительное, „несопротивленію злу“—одолѣніе зла добромъ. За такое предпочтеніе стоитъ здравый смыслъ людей, не утратившихъ энергіи, не извѣрившихся въ силахъ воли, а также жизненный опытъ человѣчества, и наконецъ—примѣръ христіанства, котораго главное, характерное отличіе отъ ветхозавѣтнаго запретительнаго закона и отъ буддійской разслабленной морали заключается именно въ рѣшительномъ предпочтеніи активнаго пассивному, положительнаго отрицательному, дѣланія добра не-дѣланію зла. Вести дальше полемику на эту тему было бы однако безполезною тратою времени, то-есть переходомъ уже къ тому, что мы опровергаемъ,—къ не-дѣланію.

Но есть одна сторона въ статьѣ гр. Т., которую нельзя оставить безъ возраженія. Это—прикрытіе имъ своего ученія о не-дѣланіи авторитетомъ христіанства. Мы не сомнѣваемся, что авторъ сталъ бы протестовать противъ низведенія его „не-дѣланія“ на

буддійскій идеалъ безстрастія и бездѣйствія, хотя, при послѣдовательномъ разсужденіи, ему должно прійти къ нему. Но воздержимся отъ этого вывода, хотя поводъ къ нему и данъ. Недѣланіе, какъ оно формулировано въ выпискѣ изъ Лао-Дзе, есть „средство къ познанію „Тао“, т.-е. пути, добродѣтели, истины“ и состоитъ не въ абсолютномъ бездѣльѣ, а въ воздержаніи отъ того, „чего не нужно дѣлать“. Но что такое „не нужное?“ въ чемъ оно? Вѣдь мы о немъ и споримъ! Гдѣ критерій для опредѣленія того, что не нужно? Онъ не указанъ, а на слово въ такихъ важныхъ вопросахъ никому, ни даже гр. Т—у, не вѣрятъ. Какъ же быть? Сознавая трудность, авторъ говоритъ: познать ошибочность своего взгляда на жизнь и трудъ и нельзя, пока находишься въ бурномъ водоворотѣ жизни и труда, и потому людямъ „*не нужно* въ наше время уже *ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться*, перестать дѣлать то, что они дѣлаютъ (то-есть, разсуждая послѣдовательно,—все), сосредоточиться и подумать“. Что бы ни говорили, это—приглашеніе къ чисто буддійскому созерцанію, хотя бы и на время! И вотъ въ этотъ то мигъ, по вѣрѣ гр. Т—го, къ людямъ „само собою“ слетитъ въ души христіанское пониманіе такъ же неизбѣжно, „какъ замерзаетъ вода на морозѣ, какъ скоро ее перестаютъ шевелить“ (сравненіе неудачное, невольно наводящее страхъ, не замерзнетъ ли при такомъ „не-дѣланіи“ вся энергія человѣка, всякое желаніе перейти снова къ доброму дѣлу, къ добродѣтели).

Надежду на это чудо гр. Т. подтверждаетъ ссылкою на то, что самъ Христосъ будто бы былъ проповѣдникомъ не-дѣланія, что „Онъ не говорилъ людямъ: поступайте такъ или этакъ, имѣйте такія или иныя чувства, не говорилъ людямъ: любите другъ друга (это такъ Онъ говорилъ *послѣ*, *Своимъ ученикамъ*, людямъ, понявшимъ Его ученіе); но Онъ говорилъ *всѣмъ* людямъ то же, что говорилъ Его предшественникъ Іоаннъ Креститель: покайтесь, то-есть одумайтесь, измѣните свое пониманіе жизни“. Въ какомъ Евангеліи нашелъ гр. Т. основаніе для подтвержденія ученія о не-дѣланіи, мы не знаемъ; но то мы знаемъ, что во всѣмъ извѣстномъ Евангеліи покаяніе, проповѣданное Іоанномъ, было не пассивное, а активное, покаяніе не въ мысли только, но и въ дѣлѣ; съ призывомъ „покайтесь!“ у него неразлучны

были слова: „*направьте*, приготовьте путь Господу, *прямыми сдълайте* стези Ему, *сотворите достойный плодъ покаянія*“, разъясняя тотчасъ же подробно, кому что̀ слѣдуетъ въ частности дѣлать. Мы знаемъ, что въ этомъ же самомъ *дѣятельномъ* смыслѣ училъ покаянію и Христосъ, ходившій не только „уча и проповѣдуя“, но и „исцѣляя всякую болѣзнь“, то-есть подтверждая Свой призывъ дѣлами, указывая на *плоды*, какъ на признакъ истиннаго пророка, и примѣняя и къ Самому Себѣ тотъ же признакъ, не откладывая (какъ ошибочно пересказываетъ гр. Т.) проповѣди всеобщей любви до болѣе поздняго времени и не предназначая ее для Своихъ учениковъ, уже хорошо усвоившихъ Его ученіе, а возглашая ее во всей полнотѣ (до любви къ врагамъ включительно) уже во всеобщей, всенародной проповѣди (также проповѣдь въ Назаретѣ). Мы знаемъ еще, что Тотъ, Кто говорилъ: „Отецъ Мой доселѣ *дѣлаетъ* и Азъ *дѣлаю*“, не могъ освящать не-дѣланія и Своимъ послѣдователямъ, людямъ труда житейскаго, продолжавшимъ дѣлать и свое старое, и Его новое дѣло, не обѣщалъ, что это послѣднее сдѣлается „само собою“, „безъ малѣйшаго усилія“, а напротивъ, противопоставляя Свое, болѣе трудное по подвигу время предшествующему, говорилъ, что „отъ дней Іоанна Крестителя донынѣ царство небесное *силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его*“, а не бездѣятельно ожидающіе чуда, которое, конечно, „не дастся имъ“, такъ какъ получатъ только просящіе, найдутъ только ищущіе, взойдутъ въ царство Божіе только стучащіе въ двери его, не отворяющіяся празднымъ и не дѣлающимъ усилія, не приносящимъ плода и ограничивающимся однимъ призываніемъ силы Божіей, ни даже пророчествомъ, ни даже совершеніемъ чудесъ. Искать царства Божія и *правды* его не значитъ мечтать о правдѣ и ждать, что царство ея наступитъ само собою, а значитъ „*силою* (то-есть трудомъ) *брать* его, *усиліемъ восхищать* его, идя „узкимъ (то-есть труднымъ, страднымъ) путемъ, входя тѣсными вратами, то-есть требующими усилія же, труда, а не не-дѣланія. Только такимъ, а не буддійскимъ созерцателямъ, не поклонникамъ восточнаго не-дѣланія и ветхозавѣтнаго субботняго покоя, только тѣмъ, кто не только одумается, но и перейдетъ отъ думы къ дѣлу, то-есть дѣйствительно покается и докажетъ это не мыслью, а дѣ-

ломъ, кто сравняетъ, исправитъ стезю Господу, только къ такимъ во-истину придетъ царство Божіе, только имъ, не какъ незаслуженный даръ за не-дѣланіе, а какъ слѣдствіе, награда и вѣнецъ истиннаго всеобщаго труда, приложатся и всѣ плоды труда, *создающаго, а не даромъ получающаго* царство правды, то-есть царство не того, что помимо насъ или по нашей винѣ дано и есть, а того, что соотвѣтствуетъ правдѣ, что должно быть добровольно и сознательно *сдѣлано* человѣчествомъ, „съ нуждою воспріемлемо", „съ усиліемъ восхищено" узла и у всего того, что служитъ препятствіемъ къ водворенію царства Божія *).

Гр. Т. воспоминаетъ о „пирѣ, давно готовомъ и на который всѣ давно званы" и дивится, что, тогда какъ „единственный возможный, разумный смыслъ жизни раскрытъ уже 18 вѣковъ тому назадъ христіанствомъ", „пиръ еще не наполнился возлежащими". Но онъ забылъ, что для входа на брачный пиръ надо имѣть и „одежду брачную", то-есть признакъ права на участіе въ пирѣ; онъ забылъ, что по крайней мѣрѣ съ христіанской, не буддійской точки зрѣнія это право получаютъ только прошедшіе „узкій путь" труда, приложившіе все нужное „усиліе" для достиженія желанной цѣли. Упрекая другихъ наставниковъ человѣчества, что они „взяли ключъ разумѣнія, сами не взошли и другимъ помѣшали взойти", онъ забываетъ, что, если на пиръ не были допущены не-мудрые, не достаточно запасшіеся свѣтомъ, то тѣмъ болѣе не взойдутъ на него „вожди слѣпые", умышленно гасящіе свѣтильники, хотя кое-какъ пока озаряющіе человѣчеству его скорбный путь къ правдѣ.

Да! пиръ давно готовъ и давно всѣ на него званы. Но, если передъ жаждущимъ войти человѣчествомъ двери царства Божія, царства правды на землѣ все еще заперты, то причина этому —

*) Въ помѣщенной въ книгѣ 1-й за 1894 г. „Вопросовъ философіи и психологіи" статьѣ „Къ вопросу о свободѣ воли" гр. Толстой, хотя и признаетъ, что Царство Божіе усиліемъ берется, но продолжаетъ утверждать, что „это усиліе состоитъ не въ какихъ либо внѣшнихъ дѣлахъ, а *только* въ признаніи и исповѣданіи истины каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ" и подаетъ совѣтъ людямъ „перестать заботиться о дѣлахъ внѣшнихъ и общихъ (!), въ которыхъ они не свободны, а всю ту энергію, которую они употребляютъ на внѣшнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны, на признаніе и исповѣданіе . . . истины".

не нежеланіе одуматься, не одурманиваніе наукою и грудомъ и не отсутствіе не-дѣланія, а *недостаточно глубокая и, главное, недостаточно дружная дума, неединодушное сознаніе, недостаточное знаніе, а затѣмъ частью именно не-дѣланіе, частью же недостаточный или дурно направленный трудъ.*

Надо знать, надо вѣрить, надо трудиться, надо надѣяться и прежде всего, больше всего, надо любить. Надо *знать;* надо любить и чтить источникъ знанія, науку, да будемъ сынами не тьмы, а свѣта, да тьма не обниметъ, не одолѣетъ насъ, да будемъ сынами свободы, къ которой призваны только братья, то-есть равные въ правахъ и обязанностяхъ подвига любви всеобщей, а не въ произволѣ себялюбія, „угожденія плоти“, къ свободѣ, невозможной безъ познанія истины, къ свободѣ отъ всего, что налагаетъ рабскія цѣпи на человѣка, замѣняя разумное неразумнымъ, волевое и добровольное подневольнымъ. Но любовь и почетъ нашъ должны быть отданы знанію, не отчуждающемуся отъ жизни, знанію, направленному не къ одной любознательности, знанію не для знанія только, а для пользы, знанію, нужному сначала для уясненія условій существующаго порядка вещей, то-есть истины, а затѣмъ для возможнаго и необходимаго воздѣйствія на нихъ, съ цѣлью измѣненія ихъ къ лучшему, къ долженствующему быть, сообразно съ требованіями блага, справедливости и красоты, для превращенія безъ выбора человѣка даннаго человѣку, пассивно имъ принятаго царства истины (природы) въ активно, человѣческимъ знаніемъ и трудомъ добровольно создаваемое царство правды, царство Божіе.

Познавши дѣйствительность, то-есть истину, *надо*, если она не совпадаетъ съ требованіями долженствующаго быть, съ правдою, тѣмъ не менѣе *вѣрить* въ правду, запросъ на которую данъ, какъ неоспоримый фактъ, въ инстинктѣ, чувствѣ, желаніи, мысли и волѣ человѣка, какъ неприкосновенная святыня на алтарѣ человѣческаго духа. Надо вѣрить въ то, что при помощи всеобщаго знанія и труда всеобщаго несовершенное существующее перейдетъ въ долженствующее быть совершенное, что, помимо нашей воли данный или при содѣйствіи безсознательной или же дурно направленной воли сложившійся *фактъ*, измѣнится и постепенно превратится въ *актъ* нашего сознанія, знанія и доброй, на всеобщее благо направленной воли.

Надо трудиться для достиженія этого великаго результата труда и знанія, трудиться не для одурманиванія себя и другихъ, не изъ-за личныхъ разсчетовъ, не по личнымъ симпатіямъ, не для своихъ частныхъ цѣлей, а для просвѣщенія и оздоровленія физическаго и нравственнаго себя и всѣхъ и для достиженія всеобщаго счастія; надо трудиться *не для себя только, забывая о другихъ, и не для другихъ только, забывая о себѣ, а со всѣми, для всѣхъ.*

Надо надѣяться на то, что великая цѣль будетъ достигнута, что смутное стремленіе перейдетъ въ ясно сознанный проектъ, а проектъ—въ дѣйствительность, то-есть, что, рано или поздно, Истина совпадетъ съ Правдою.

Наконецъ *надо прежде всего и больше всего любить*,—любить все положительное, благотворящее, жизнь укрѣпляющее и все ведущее къ положительному: любить знаніе, потому что ученье свѣтъ, а неученье — тьма; любить жизнь, потому что не жизнь для знанія, а знаніе для жизни; любить людей, потому что жизнь счастливая мыслима не для себя и не для всѣхъ, а со всѣми для всѣхъ; любить трудъ, дѣло, потому что только соединенными усиліями добровольно и сознательно трудящагося человѣчества можно одолѣть мѣшающія его счастью стихійныя, неразумныя и несправедливыя силы природы и всѣ безчисленныя бѣды, имѣющія ихъ своимъ первоначальнымъ источникомъ; надо любить свободу въ ея истинномъ широкомъ значеніи, не въ смыслѣ произвола своего надъ людьми, не въ смыслѣ устраненія себя изъ-подъ произвола другихъ людей, а въ смыслѣ освобожденія всѣхъ людей отъ рабства предъ всѣмъ, что въ природѣ и жизни царитъ надъ ними неразумнаго, стихійнаго, не-волеваго, несправедливаго, жестокаго, потому что безъ этой свободы всѣ рѣчи о какой-либо другой (личной, семейной, экономической, соціальной, общественной, политической) рѣчи безсильныя и безнадежныя; надо любить надежду, потому что она—наше единственное утѣшеніе на долгомъ, тернистомъ пути отъ зла къ добру, то-есть то, въ качествѣ неоспоримаго факта внутренняго ощущенія, обнаруживающееся превышеніе желанія и воли человѣка надъ окружающимъ его, противнымъ желанію и волѣ, порядкомъ вещей, превышеніе, которое обезпечиваетъ намъ, при всемъ вышесказан-

номъ, возможность и вѣроятность перехода отъ горькой, мрачной истины настоящаго къ свѣтлой правдѣ будущаго; наконецъ надо любить вѣру, вѣру въ добро, въ правду, потому что въ ней спасеніе и безъ нея, если вдуматься должнымъ образомъ, ни въ области мысли (въ наукѣ), ни въ области чувства (въ нравственности), ни въ области воли (въ дѣлѣ) жизнь невозможна.

Вѣра—жизни сила.
Безъ нея сама
Наша жизнь—могила,
Цѣлый міръ—тюрьма.
Вѣрьте мысли смѣло.
Мысль ведетъ людей,
И благое дѣло
Неразлучно съ ней.
Вѣрьте въ цѣль, въ сознанье,
Въ торжество труда:
Безъ труда и знанья
Мы рабы всегда.
Вѣрьте же, что годы
Рабства пробѣгутъ,
И вѣка свободы,
Имъ взамѣнъ, придутъ;
Что безъ испытанья
Счастья въ мірѣ нѣтъ,
Что, порой, страданье—
Счастія завѣтъ.
Что зерно сначала
Умереть должно,
Прежде, чѣмъ создало
Новый всходъ оно;
Вѣрьте, что вы—братья,
Что жива любовь,
Что въ ея объятья
Всѣ вернутся вновь,
Что вражда не вѣчна,
Правды-жъ торжество
Будетъ безконечно.
Правда—Божество.

Изданія М. В. Клюкина.

а) Серія книжекъ

ДОБРЫЯ ДУШИ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ НАРОДА.

№ 1 **П. В Засодимскаго.** „ИЗЪ СКАЗОКЪ ЖИЗНИ“ Разсказы для дѣтей Съ 2 рис Цѣна 5 коп.—№ 2 **К С Баранцевича.** „ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!“ Разсказъ Съ 1 рис Цѣна 5 коп —№ 3 **Н Д. Соловьева-Несмѣлова.** I. „САВЕЛЬИЧЪ“ II. „НАСТЯ“. Разсказы изъ жизни простыхъ людей Съ 2 рис. Махова Цѣна 5 коп —№ 4. **П. В. Засодимскаго** „ЛЛЯ“ Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки Съ 2 рис Цѣна 5 коп —№ 5 **Д В. Круглова** „ЗЕЛЕНЫЙ ДОМИКЪ“ Правдивая исторія Съ 2 рис Цѣна 5 коп —№ 6, **В В Огаркова** „ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА“ Христіанская легенда. Съ 2 рис Цѣна 5 коп —№ 7 **Д Л. Михаловскаго** ДОБРОЕ СЛОВО ПАСТЫРЯ“ Эпизодъ изъ временъ Отечественной войны Съ 1 рис Цѣна 3 коп (Одобр Уч Ком. Мин. Нар. Просв для начал. учил.) —№ 8 **Е. А. Разиной** „ЛУКЕРЬЮШКА“ Разсказъ. Съ 3 рис Цѣна 5 коп. — № 9 **П. И. Добротворскаго.** I. „БАБУШКА ОЛЕНА“. II. „СМЕРТЬ ДѢДА“. Два разсказа съ 3 рис. Цѣна 4 коп. —№ 10. **М. Васильева.** „ПРОСТОЙ ЧЕЛОВѢКЪ“. Разсказъ Съ 3 рис Цѣна 5 коп — № 11. **Н. Н Златовратскаго.** „АННУШКА“ Разсказъ Съ 2 рис. Цѣна 5 коп. — № 12 **Н Н. Филиппова.** „СВ СТЕФАНЪ, ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКІЙ“ Съ 1 рис Цѣна 3 коп —№ 13 **Д Н. Мамина-Сибиряка** „ПОСТОЙКО“ Разсказъ Цѣна 3 коп № 14 **В. Н. Ладыженскаго** „НА ПАНШѢ“ Разсказы и сказки. Съ 3 рис Цѣна 7 коп — № 15 **Н. Н Филиппова** „ЗАЩИТНИКИ и МОЛИТВЕННИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ“. Историческ разсказы Цѣна 5 коп

б) Изданія для дѣтей.

№ 1 **И. А. Вѣлоусова** „МАЛЫШИ“ Разсказы и стихотворенія для дѣтей Съ 20 рис Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп —№ 2 **М. Васильева.** „ВЪ ЛѢСУ и ВЪ ПОЛѢ“ Разсказы для дѣтей Съ 28 рис въ текстѣ Цѣна 30 коп.—№ 3. **Его-же** „РЕБЯТКИ“. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 30 рис въ текстѣ. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.—№ 4 **Н. А. Соловьева - Несмѣлова.** „МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ“. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ 40 рис въ текстѣ. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп —№ 5. **К. С. Баранцевича.** „НА ВОЛЮ!“ Разсказы для дѣтей Съ 10 рис Цѣна 25 к., въ папкѣ 40 коп. № 6 **Н А. Борисова.** „КАЛЕВАЛА“ Финскія народныя

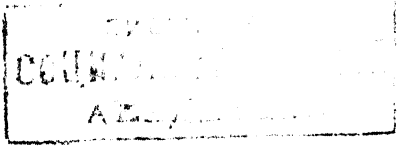
былины для юношества. Съ рис. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп. (Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Уч. Ком. по Учрежд. Императрицы Маріи).—№ 7. **М. Васильева.** „ГУРЬБОЙ". Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 25 рис. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.—№ 8. ФАРРАРА. „ТЬМА и РАЗСВѢТЪ". Историческій романъ изъ временъ Нерона (для юношества). Цѣна 1 руб. № 9. **Дж. Леббокъ.** „КРАСОТЫ ПРИРОДЫ и ЕЯ ЧУДЕСА". Ц. 65 к. № 10. **П. В. Засодимскаго.** „ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ЛѢТЪ". Воспоминанія и разсказы. Цѣна 75 к.

в) Педагогическія изданія.

№ 1. **А. В. Пѣшехоновой.** „СБОРНИКЪ ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ ВЪ РОДНОМЪ ЯЗЫКѢ". Изданіе 2-е. Цѣна 25 коп. (1-е изданіе допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для нач. учил.). № 2. **Ея-же.** „СБОРНИКЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ и ПРОСТѢЙШИХЪ ЗАДАЧЪ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ ВЪ 1-й ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ". Цѣна 10 коп — №3. **Е. Поповой и А. Пѣшехоновой.** „ГРАМОТЕЙ". Азбука и первые уроки чтенія. Съ приложеніемъ письменныхъ упражненій. Съ рисун. Цѣна 20 коп.

г) Разныя изданія.

№ 1. **П. Засодимскаго.** „ЛЕГЕНДЫ". Цѣна 60 коп. — № 2. **Левъ Толстой.** „СКАЗКИ и БЫЛИ". Цѣна 5 коп.— № 3. **П. Засодимскаго.** „ГРѢХЪ". Романъ. Цѣна 1 руб.—№ 4. **Баранцевича** „ВЕСЕННІЯ СКАЗКИ". Ц. 35 коп.— № 5. **С. Д. Дрожжина.** „СТИХОТВОРЕНІЯ". Цѣна 1 руб.—№ 6. **В. А. Кудашева.** „О СБЕРЕЖЕНІИ ПОЧВЕННОЙ ВЛАГИ ПРИ ОБРАБОТКѢ ОЗИМЫХЪ ПОЛЕЙ". Изданіе 3-е исправл. и допол. Цѣна 80 коп.—№ 7. **Коринфскаго.** „ПѢСНИ СЕРДЦА", Стихотв. Цѣна 1 руб. — № 8. „НА ПАМЯТЬ о П. П. ЧАЙКОВСКОМЪ. Статьи **Г. А. Ляроша и Н. Д. Кашкина** съ портрет. Цѣна 60 коп.—№ 9. **В. А. Кожевникова.** Безцѣльный трудъ. „НЕ-ДѢЛАНІЕ" ИЛИ ДѢЛО? Цѣна 20 коп.

Складъ этихъ изданій въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (А. С. Суворина).